

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

**АБОНЕНТ
НЕДОСТУПЕН**

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Абонент недоступен

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Абонент недоступен / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Господин адвокат)

Новое дело «господина адвоката» выглядело совершенно безнадежным, а оказалось опасным, запуганным и сложным... В собственном автомобиле взорван крупный предприниматель, в убийстве подозревается его компаньон и ближайший друг. Против обвиняемого — все возможные улики. У него единственного — веские причины желать смерти бизнесмена. Все ясно... почти. Неясно, почему дочь убитого так уверена — убийство совершил кто-то другой. И чем дольше занимается этим делом «господин адвокат», тем больше он склонен с ней согласиться...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	16
7	19
8	21
9	22
10	23
11	26
12	28
13	33
14	36
15	37
16	41
17	44
18	45
19	46
20	48
21	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Бросив сумку на пассажирское сиденье, Владимир Сергеевич Волков завел мотор. Серебристый «гольф» приятно завибрировал.

Весь мир еще спал.

Из трубы котельной выползал негустой дым, а в детском саду напротив горело единственное окно.

Где-то вверху тлело звездное небо.

Вдруг картина резко изменилась. Детский сад с котельной исчезли, будто под ними разверзлась земля. Остался только утренний небосвод, где одинокой искрой мелькнула догорающая Венера.

В поле зрения Волкова ворвались острые щупальца оранжевого пламени.

И звук — резкий, пронзительный, оглушающий.

Со стороны казалось, что стальной «гольф» превратился в спичечный коробок, поддетый у края стола щелчком большого пальца.

Машина со звонким скрежетом упала кверху брюхом рядом с образовавшейся в асфальте воронкой размером с канализационный люк, откуда, клубясь, валил черный дым.

Обожженное, изломанное тело мужчины в салоне серебристого «гольфа» окутала вечная мгла.

В возобновившейся тишине стали слышны звуки бьющегося стекла, а затем истерические вопли проснувшихся домохозяек.

Часть первая

Большие деньги

1

Толкнув стеклянные аэропортовские двери «Шереметьева-2» и оказавшись на улице, адвокат Юрий Гордеев первым делом потянул ноздрями воздух. Ничего особенного он в нем не уловил. Москва как Москва. Однако тут и была вся прелесть. То, что москвичи по привычке называют жарой, после двух недель средиземноморского пекла кажется делом какого-то райского кондиционера.

Не прошло и трех секунд, как вниманием Гордеева стали овладевать приземистые парни в одинаковых черных футболках — таксисты, эти назойливые столичные извозчики. Их было человек десять, не меньше, в один голос тараторивших один и тот же вопрос: «Куда ехать, уважаемый?»

— Юрка!

Гордеев обернулся и увидел Дениса Грязнова.

— Ты чего там застрял? — Денис скатал в трубочку последний номер «Московского комсомольца» и швырнул в урну.

Гордеев не без труда выбрался из живого кольца, подошел к Денису, и они обменялись крепким рукопожатием.

— Прошел мимо что та сомнамбула, — сказал Денис чуть ли не обиженно. — Что с глазами?

— Прости, забыл о тебе совсем.

— Не понял. Как это — забыл?

— Ну вот так.

— А какого же хрена ты мне тогда звонил из своего этого... как его?..

— Из Неаполя.

— Во-во, из него. Понты колотил?

— Ладно, не дуйся. Спасибо, что встретил.

Хлопнув правой дверцей свежевымытой «девятки», Гордеев в один момент как бы отсек от себя и синее море, и курортную беззаботность, и прелести падений в воздушные ямы, которыми был так богат только что перенесенный трансевропейский перелет. Все осталось в прошлом. Ну, хотя бы в ближайшее время. Там впереди, в самом центре Москвы, ждала целая куча важных дел. Романтический настрой адвокату, рассуждал Гордеев, как собаке пятая нога. Сравнение было, конечно, так себе, но лучшего подобрать невозможно.

Уверенно держась за руль, Денис делился последними новостями. Точнее, не делился — вываливал на свежую гордеевскую голову все, что за последние две недели накопил в своей. И тем самым откровенно ловил кайф, созерцая информационную отсталость своего друга, когда тот то и дело выкатывал глаза и ронял подбородок, по-детски реагируя на ту или иную историческую новинку.

Впрочем, Денис был удивлен не менее: такого прожженного волка, каким был Гордеев, пронять какой-либо словесной белибердой было практически невозможно, а тут — на тебе — бесплатный аттракцион.

— Стоит только на несколько дней среди рабочей недели уйти в какие-нибудь горы, — хладнокровно резюмировал Денис, — как ты моментально превращаешься в социально недействительного гуманоида.

— Чего-чего? — вытаращился Гордеев.

— Пространственно-временной интенсив, очередная классовая утриска, смена парадигм...

— Эй, Ландау! — перебил Гордеев. — Откуда у тебя в голове вся эта каша?

Денис окинул Гордеева коротким взглядом:

— Хотя само понятие «гуманоид» здесь совершенно теряет смысл.

— Нет, вы на него только посмотрите. Что с тобой случилось?

— А с тобой?

— Поговори мне еще, — сказал Гордеев, сдерживая улыбку. — Разбазарился.

Денис с сожалением покачал головой:

— У тебя там, в твоём Неаполе, даже радио не было, что ли?

— Представь себе — не было. Голова как горный хрусталь — ни соринки, ни пылинки. Словом, чистая доска, табула rasa, как выражались древние римляне.

— Да ну?

— Ага, она самая.

— Так мы сейчас эту самую чистую доску маленько подмараем.

Денис ткнул пальцем в автомагнитоу, и в динамиках заиграли позывные радио «Свобода».

Новостная сводка почти слово в слово повторяла все то, что пять минут назад закончил исторгать из себя Денис. Однако даже он сбавил скорость и встроился в крайний правый ряд, когда дикторский голос доложил:

«Сегодня в Москве убит бывший генеральный директор концерна «Интерсвязь» Владимир Волков. По данным агентства Интерфакс, взрывное устройство — предположительно, два килограмма тротила с электронным взрывателем — было подложено под автомобиль потерпевшего и сработало, когда Волков находился в салоне. Потерпевший скончался на месте. Следствие полагает, что это устройство с дистанционным управлением и покушение на бизнесмена тщательным образом подготовлено. По факту преступления возбуждено уголовное дело».

— Ничего себе, — просипел Денис пересохшим горлом. — И до этого добрались.

— Ты его знал? — простодушно спросил Гордеев.

— Нет, не знал. Слышал только. С характером мужик. Головастый и с характером. Был, — мрачновато добавил Денис. — Теперь уже был.

В разговоре наступила пауза, которую радиоэфир тут же заполнил россыпью словечек, типа «дефолт», «минфин», «консолидация правых»...

— Ладно, — начал Гордеев, — смени волну. Хочу музыку.

— Бодряковую?

— Да, именно бодряковую. На сегодня смуров достаточно.

Денис снова прикоснулся к магнитоле, и салон до краев заполнился ровным, как кремлевская зубчатка, ритмом с обволакивающе-сытыми басами. Машина побежала быстрее, выскочив на самую середину Ленинградского шоссе.

До конца поездки попутчики больше не проронили ни слова.

2

«Не может быть, не может быть, не может быть...»

Виталий Федорович Проскурец импульсивно расхаживал по кабинету от окна к двери, инкрустированной под мореный дуб, то снимая, то опять водружая на нос очки в тонкой позолоченной оправе.

Хотелось выпить.

Да нет, не просто выпить, а надраться по-черному, как последний сапожник. Забыть, забыть все. Забыть, а затем проснуться и узнать о розыгрыше, который ему устроили не в меру распоясавшиеся коллеги.

Но это не могло быть розыгрышем. Это была самая настоящая, неподдельная, натуральная реальность. И реальность была во всем. Она реально перла из всех мыслимых и немыслимых щелей. Ибо то, что произошло сегодня утром, — чистейшая, суровейшая правда.

Ему позвонил незнакомец, представившийся старшим следователем по особо важным делам Мосгорпрокуратуры Омельченко и тоном, не терпящим возражений, предложил срочно приехать по адресу... Он продиктовал адрес и сказал, что встретит лично.

Они встретились у дверей помещения, на котором была табличка «Морг». И вот тут, на пороге, Проскурец узнал от Омельченко, что его давний друг, компаньон и соратник Владимир Волков — мертв. И не просто мертв, как это обычно случается с пятидесятилетними мужчинами (инфаркт, инсульт или еще что-то из этой же серии) — мертв в бесконечной степени. Черная пыль вместо кожи на обуглившихся костях. Именно эта жуть предстала перед глазами Виталия Проскурца, когда его подвели к оцинкованному столу и санитар в зеленоватом фартуке отбросил покрывало, обнажив неприглядные останки.

— Вы были знакомы с потерпевшим, Виталий Федорович? — задал вопрос Омельченко, очень худой, высокий мужчина с костлявым лицом и волосами, уложенными с легкой небрежностью.

— Что? — Проскурец поднял лицо и немигающими глазами уставился на следователя.

— Подумайте.

— О чем вы говорите?

— О чем? Это вы меня спрашиваете?

— Да, это я вас спрашиваю. И не вижу в этом ничего странного.

— Ладно. — Омельченко потер руки. — Итак, вы утверждаете, что не знакомы? Я правильно вас понял?

— Да, именно так.

— А между тем эти останки принадлежат, хотя было бы правильнее сказать — принадлежали — гражданину Российской Федерации Владимиру Сергеевичу Волкову.

Массивная фигура Проскурца внезапно зашаталась, едва не потеряв равновесия.

— Ну вот, видите, я прав, — сказал Омельченко, успев подхватить собеседника за локоть.

— Это Володя? — сдавленно произнес Проскурец.

— Да, да, да. Он самый. Надеюсь, для вас этот факт не является новостью?

— Что?!

— То, что Волков явился жертвой жесточайшей расправы.

— Не понял? — Проскурец стащил с лица тонкую оправу очков и двумя пальцами быстро промассажировал переносицу.

— Ваше «не понял» — всего лишь дань риторике. Все вы очень хорошо понимаете, дорогой Виталий Федорович.

— Боже мой, о чем вы говорите?

— Это не есть несчастный случай, это — убийство. Самое настоящее. Очередное рядовое заказное у-бий-ство. Вы меня хорошо расслышали?

— Куда уж лучше.

В стрессовых ситуациях голова Проскурца работала особенно быстро — тут конечно же сказались долгие годы работы в советском военно-промышленном комплексе. Там от скорости ментальных реакций очень часто зависела социальная безопасность сотрудников. Ситуация, которая стремительно разворачивалась перед Виталием Федоровичем сейчас, была стрессовой в кубе. «Так, — размышлял он, — у следствия в руках какие-то чрезвычайно важные козыри. Это несомненно. Иначе бы этот Омельченко не вел себя так развязно. И эти козыри наверняка способны кого угодно загнать в западню. А из этой западни выход только один — косвенно признать себя виновным... Виновным в чем?

— ...карточка из стоматологической клиники, где Волков регулярно лечился, с помощью которой нам удалось идентифицировать личность потерпевшего с точностью до микрона, — говорил словоохотливый Омельченко, пока Проскурец мысленно справлялся с лавиной нахлынувших вопросов.

— Как это произошло? — уже спокойным тоном спросил Проскурец.

— Ага, проснулся живой интерес. Прекрасно.

«Важняк» Омельченко, заложив обе руки за спину, сделал несколько шагов взад-вперед, осматривая стены, пока это дело ему не надоело, и тогда он снова подошел к Проскурцу:

— Э-э... Простите, Виталий Федорович. Давайте сделаем так: вы завтра утречком придёте к нам, в прокуратуру, и там мы все самым подробнейшим образом обсудим. Договорились? А сейчас самое мудрое и благородное — это разбежаться по рабочим местам. У нас работа, у вас полно работы. У всех работа, да? Нехорошо отрывать друг друга от любимых занятий, подчиняясь воле обстоятельств, правда? Будем выше этого. Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

— Надеюсь, да, — выдавил из себя Проскурец, направляясь к выходу из этого страшного места.

...И теперь, меряя широкими шагами кабинет, то выглядывая в окно, то оказываясь у двери, Проскурец неоднократно ловил себя на том, что невольно подслушивает, о чем толкуют подчиненные. Он вдруг замер посередине, потому что его мобильник дал о себе знать настойчивой трелью.

Привычным жестом из внутреннего кармана пиджака он извлек черную пластиковую коробочку, нажал кнопку ответа и приложил к уху.

— Да.

— Виталий Федорович? — донесся из трубки женский голос.

— Да, да, я слушаю.

— Это Лена.

— Лена? — Проскурец добрал до стола и уперся в него свободной рукой. — Лена Волкова?

— Да, Виталий Федорович, Лена Волкова. С каких это пор вы перестали узнавать мой голос?

— Ты где?

— В Москве.

— Ты в Москве? Ты точно в Москве?

— Господи, да что с вами такое, Виталий Федорович? Я точно в Москве. Только что из самолета.

— Извини, Лена.

— Где папа? Я не могу до него дозвониться, все номера молчат, будто их отключили. Он что, уехал?

— Понимаешь, Лена... случилось несчастье.

Проскурец говорил как автомат, стараясь сдерживаться.

— Что случилось?

— Я... я даже не знаю, как тебе сказать. Его машина, понимаешь... Она...

— Я ничего не понимаю. Чья машина? О чем вы говорите?

— Его машина... Извини, Лена. Если у тебя есть возможность приехать — приезжай сейчас же.

— Куда?

— К нам в офис. Я тебе все объясню. Адрес помнишь?

— Конечно, помню.

— Тогда приезжай. Я жду.

Проскурец отключил телефон и снова с подозрением посмотрел на закрытую дверь.

На другом конце Лена услышала в трубке легкий щелчок, будто в конце предложения поставили точку. Линия разъединилась.

За окнами такси проносились архитектурные монстры сталинского ампира, которые делали Ленинградское шоссе увеличенной в несколько раз копией Невского проспекта. Лена еще раз набрала номер, но теперь за заунывно длинными гудками ничего не последовало.

— МАИ знаете? — спросила она у водителя.

— Стекляшка, что ли?

— Ну да.

— Как не знать. Теперь туда, что ли?

— Туда.

Лена откинулась на спинку сиденья, обтянутого искусственной кожей, и услышала, как в ее голове с каждый ударом сердца нарастало: «папа, папа, папа...»

3

У входа ее встретила троица охранников, вид которых мог внушить обывателю довольно серьезные опасения, а особенно то количество боевого снаряжения, что висело на них. Однако легко миновав этих суровых с виду парней, которым ничего не оставалось, как снисходительно улыбаться приятной темноволосой девушке, Лена взлетела на девятый этаж, где располагался офис «Интерсвязи» — одной из крупнейших в России частных телефонных компаний, чей приоритетный профиль — сотовые системы подвижной связи. Когда-то генеральным директором «Интерсвязи» был ее отец — Владимир Волков, но уже полгода, как он ушел с этого поста и из компании вообще, передав все полномочия давнишнему своему другу и первому заместителю Виталию Проскурцу. Почему так произошло, Лена не знала. До сих пор ее мало интересовали дела собственного отца, последний год она провела в Соединенных Штатах, где по контракту с Чикагским технологическим институтом занималась научной работой. Освоение новых технических и географических территорий стало для нее таким важным делом, что до всего остального, если оно не имело отношения к биологии, руки не доходили.

Войдя в помещение офиса, обставленного в ультрасовременном стиле с обилием пластика и алюминия, она увидела множество хорошо одетых молодых людей, которые наперебой начали с ней здороваться. Она узнала только некоторых, однако кивнула всем сразу — и решительно направилась к двери с табличкой «Генеральный директор». Лена вошла без стука и обнаружила Виталия Федоровича, нервно расхаживающего по кабинету. Увидев ее, он молча кивнул, молча закрыл дверь и показал на кресло у стола. Он казался чрезвычайно подавленным. Лена не стала первой нарушать молчание, ожидая продолжения разговора, начатого по телефону.

— Лена, — заговорил Проскурец, прокашлявшись. — Понимаешь... Ну, в общем... Папы больше нет.

По ее спине пробежал холод.

— Когда? — Единственное, что она могла спросить. Все, что называется «убийственной истерикой», происходило сейчас у нее глубоко внутри, и Лена не позволяла ей выплеснуться наружу.

— Сегодня утром, в восемь часов. Его машина взорвалась у подъезда дома.

— Нашего дома?

— Да, вашего дома. Прямо у подъезда. Это ужасно, ужасно...

— Это несчастный случай? Да?

— Нет, Лена, это убийство.

— Боже мой!

— И еще, Лена, ты должна это знать. Это очень важно. Я — один из основных подозреваемых.

— Подозреваемых? В чем подозреваемых?

— В убийстве. Точнее, в организации убийства, если пользоваться их терминологией.

— Вы? А при чем здесь вы?

— Лучшего претендента на эту роль им просто не найти.

— Почему?

— Все очень просто. Они идут по пути наименьшего сопротивления. Так гораздо проще. Тут и дураку ясно, что смерть Волкова мне выгоднее, чем кому бы то ни было.

— Боже мой, что вы такое говорите? Как это — выгодно?

И тут Лена не выдержала и разрыдалась. Ее лицо исказила гримаса отчаяния, из глаз брызнули слезы. Она закрыла лицо руками, слово боялась открыто демонстрировать свою слабость.

— Бизнес — это война, — тихо, но твердо проговорил Проскурец. — Здесь нет и не может быть друзей. Каждый сам за себя и против всех. Но в моих правилах бизнес — это прежде всего война умов, стычка интеллектов, в которой нет и не может быть места физическому устранению конкурента.

Проскурец подошел к окну и в очередной раз снял очки:

— Да, мы с твоим отцом в последнее время были не в ладах. Можно сказать — воевали.

Лена вздохнула:

— Вы всю жизнь воюете. Сколько я себя помню, все мужчины воюют друг с другом.

— Да, ты права. Поддавки — это не для нас.

Лена не очень понимала, что имел в виду Проскурец под выражением «были не в ладах», но догадывалась, что речь шла о какой-то идее отца, которую тот мог отстаивать со свойственными ему прямоотой и настойчивостью. И эту же самую идею мог с той же настойчивостью отвергать Проскурец. Совершенно обычное для них дело, можно сказать, бытовая привычка. Без этого они просто не жили. Они просто выругивали каждый свое. Но все самые продолжительные интеллектуальные баталии рано или поздно приводили их к полному согласию.

Именно таким непростым путем они основали дело, над которым теперь красуется вывеска «Интерсвязь».

— Володя всегда был полон идей, — сказал Виталий Федорович, будто прочитав мысли своей собеседницы. — Идеи били из него фонтаном. И все его идеи были просто отличные, одна лучше другой. Но ему, как всегда, хотелось их тут же воплотить в жизнь, ничего не откладывая на потом, особенно когда такая возможность предоставлялась. Он был страшный непоседа. Порой просто ужасный. Он еще называл это аномальным энтузиазмом.

Проскурец принялся массажировать переносицу, а из-за зажмуренных глаз выступили и заблестели на ресницах скупые слезинки.

4

В полуподвале Мосгорпрокуратуры бывший эксперт, а ныне пенсионер Иван Фомич Иванов наклеивал куски обожженной по краям крокодиловой кожи на специально сколоченный из фанеры ящик, имевший очертания кейса — портфеля, с которым обычно носится всякий деловой сброд. Фомич напоминал сейчас ребенка, который засиделся над головоломкой, известной миру как «пазл», когда из горы разрозненных кусочков требуется собрать целую картинку. Он и в прежние годы слыл мастером — золотые руки, соответствуя на все сто: ловкие пальцы, орлиный глаз, живой ум.

Когда в полуподвале показалась долговязая тень следователя Игоря Омельченко, Фомич свою работу закончил и теперь, сидя в углу, ацетоном смывал с пальцев остатки клея.

— Ну и как? — спросил Омельченко первым делом.

Фомич кивнул на стол:

— Забирай своего аллигатора. Почти новехонький. Можешь с ним хоть за пивом, хоть за шмивом.

— Очень хорошо, очень хорошо, — приговаривал Омельченко, с явным удовольствием поглаживая крокодиловую поверхность, восстановленную из аккуратно подогнанных друг к другу фрагментов. — Вещдок высший класс. Ты, Фомич, прямо Франкенштейн.

— Чего-чего? — сморщив нос, поинтересовался Фомич.

— Франкенштейн. А что такое?

— Ты, Игореха, знаешь что — ты эти свои антисемитские штуки попридержи для других. Здесь тебе не патриотический клуб.

— Да я не это имел в виду, упаси бог, Фомич, ты что? — зашаркал Омельченко. — Франкенштейн — это такой доктор был, швейцарский барон, он из двух трупов одного живого парня сделал.

— Знаю, кино видел. — Сказав это, Фомич с трудом сдержался, чтобы не захихикать, но через мгновение разразился громким смехом.

— Так, — властно бросил Омельченко, указав пальцем на кейс, — запакуй и ко мне в кабинет.

— Сам пакуй. Я свое дело сделал.

— Ладно. Посмотрим.

— А чего тут смотреть? Пакуй и дуй себе. У меня работы еще, что у Пикассо.

Сидя уже за своим рабочим столом в следственном кабинете, Омельченко с прежней любовью рассматривал полученный у Фомича кейс.

В кабинет вошла рослая секретарша и произнесла:

— Проскурец явился.

— Ага, давай его сюда, — сказал Омельченко, накрывая кейс черным бархатом.

Секретарша вышла, и тут же в его кабинет протиснулся Проскурец. Омельченко про себя отметил его слегка осунувшееся лицо.

— Заходите, заходите, Виталий Федорович, — сказал он, выходя из-за стола. — Садитесь, пожалуйста. Курите?

Проскурец отрицательно покачал головой.

— Очень жаль. — Омельченко вернулся в кресло. — А у меня тут настоящие мексиканские... Ну да ладно. Нет так нет.

— Так что произошло вчера с Владимиром Сергеевичем? — подал голос Проскурец.

Вместо ответа Омельченко повернулся резко влево и отбросил в сторону черное покрытие, обнажив кейс.

— Ваш? — Омельченко переместил дорогой, судя по всему, ему предмет ближе к Проскурцу.

Проскурец пожал плечами.

— Ваш или нет? — Омельченко повторил вопрос, чуть повысив голос. — Не тяните. Ну? Ваш или нет?

— Может, и мой.

— Так, так, так. А поточнее? Что значит «может»? Юлить не советую, мы располагаем свидетелями, опознавшими этот портфельчик именно как ваш. И это не блеф.

Проскурец обвел глазами лежавший перед ним портфель.

— Ровно месяц назад у меня был точно такой же. Но он пропал.

— Да ну? Пропал? Это же настоящий крокодил.

— Возможно.

— Не возможно, а именно настоящий.

— Ну и что из того?

— А то, что у нас имеются свидетели, которые в один голос утверждают, что у вас был именно из настоящего крокодила.

— Я не отрицаю. Был. Но я же сказал — он пропал.

— Как же вы так неосмотрительно себя вели? А? Виталий Федорович? Вещь немалых денег стоит.

— Я не понимаю, куда вы клоните, Игорь... м-м... простите...

— Игорь Николаевич, если вам угодно, уважаемый Виталий Федорович.

— Простите, Игорь Николаевич, я что-то никак не пойму вашей стратегии. При чем здесь этот кейс? Впрочем, догадываюсь. И все же объясните, если вас не затруднит.

— Объясню, не волнуйтесь. Всему свое время. Хотя это вы мне должны объяснить, при чем здесь эта шутовина. Но сначала давайте все же закончим. Итак, ваш это или не ваш?

— Да поймите же, таких портфелей во всем мире пруд пруди.

— Ну, допустим, не пруд...

— Ладно, согласен, таких навалом. Но все равно, я разве должен за каждый из них нести персональную ответственность, что ли?

— Хорошо. — Омельченко выдвинул один из ящиков стола и достал оттуда полиэтиленовый пакетик, в который было запаяно что-то блестящее, протянул Проскурцу. — А это говорит вам о чем-нибудь?

Проскурец взял двумя пальцами пакетик и тут же увидел, что в нем находится медная пластина, на которой выгравирована надпись: «Виталию Федоровичу Проскурцу от любящих коллег в день 50-летия. 15.06.94 г.».

— Если вы нашли это вместе с этим, — Проскурец положил пакетик на крышку кейса, — тогда все сходится: это мое. Только...

— Ну вот и отличненько! — Омельченко чуть ли не выпрыгнул из-за стола. — Не возражаете, Виталий Федорович, если мы прямо сейчас же оформим опознание по всем правилам? Таковы наши бюрократические требования, ничего не поделаешь. — И, не дождавшись ответа, снял телефонную трубку, крутанул несколько раз диск и бодро проговорил: «Надя, давай сюда понятых».

5

Для своих двадцати шести лет Лена Волкова к смерти относилась слишком философски. Возможно, в том был отпечаток ее профессии — биолог, специализирующийся в эндокринологии, доктор медицины американского стандарта. «Моя молодость похоронена под грудой реторт и микроскопов, а сверху ходят стадами подопытные пацюки», — любила она повторять вслух.

Все формальности, связанные с процедурой кремации отца, она перенесла с сократовской невозмутимостью. «Холодная, как рыба», — именно это она слышала за своей спиной всю дорогу. И правда, после того как Лена покинула кабинет Виталия Проскурца, она больше не проронила ни слезинки. Ее могли упрекнуть — и упрекали — в бессердечности, черствости и черт знает в чем еще, но все это по отношению к ней было несправедливо. Никому не дано заглянуть в ее душу, и потому не им судить о том, что в ней происходит. «Да, все мы смертны, — повторяла Лена прописную истину. — И смерть не всегда означает конец. Иногда смерть означает начало».

6

— Итак, Виталий Федорович, теперь продолжим, — сказал Омельченко, скрестив перед собой пальцы рук и мягко опустив на них свой сухой подбородок. — Если этот кейс ранее принадлежал вам, а взрывное устройство под машиной Волкова находилось именно в нем, то вот вам один-единственный вывод: убийство Владимира Сергеевича — дело ваших рук. Вы согласны?

Проскурец от неожиданности привстал.

— Ну, скажем так, не конкретно ваших. Тут без сообщников не обойтись. Это и коню понятно.

— Простите, но на каком основании вы допускаете?..

— С вашим алиби я ознакомился, — ввернул Омельченко. — Тут вы можете расслабиться. С восьми тридцати до половины одиннадцатого утра вы провели в ресторане клуба «Профи», куда, согласно вашей версии, должен был явиться и Волков. Но не явился. Досадно, конечно. Причину его неявки мы уже знаем. В любом случае ваше алиби — просто блеск! Только следствие смущает одно архиважное обстоятельство. В последнее время у вас с Волковым были очень серьезные разногласия по части финансовых дел, не так ли?

— Да, действительно. Но разве это что-то меняет?

— Ничего не меняет. Просто сумма в деле фигурирует немалая. Да, Виталий Федорович?

— Ну и что с того?

— А то, что игра стоила свеч. Ведь стоила же? Правда, Виталий Федорович?

— Я не уверен, что деньги — достаточный повод, чтобы опускаться до убийства. Мы с Волковым предпочитали честную игру.

— Красивые слова! Господин Цицерон просто отдыхает! Но только как же вы это с портфельчиком-то недодумали? А? Понимаю, старость, болезнь Альцгеймера и все такое. Однако уголовная ответственность — штука слепая, ей не до жалости.

— Этот кейс у меня пропал еще месяц назад, об этом знают многие из моих сотрудников. А с кейсом пропали и ценные дискеты, слава богу, не секретные. Но где и когда случилась эта пропажа — я не помню, тут можно уповать и на склероз, или Альцгеймера, как вы изволили выразиться.

— Вы с Волковым разбежались полгода назад, так?

— Ну, предположим.

— Если говорить кратко, то основной причиной его ухода из «Интерсвязи» явились расхождения во взглядах на дальнейшее развитие компании, так? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Да, все так. Мы действительно разошлись по идейным соображениям. Но подумайте сами, разве это повод?..

— Виталий Федорович, дорогой мой, сейчас не мне, а вам думать надо. Вам, вам и только вам. Что касается меня, то в этой голове, — Омельченко постучал себя пальцем по виску, — картинка сложилась яснее ясного. Насколько я в курсе, после ухода из компании Волков неоднократно требовал выплаты по пакету акций «Интерсвязи», которым он по праву создателя компании естественным образом владел. Вы же постоянно срок выплаты оттягивали, придумывая все новые и новые причины...

— Я не выдумывал.

— Какая разница? Ну, ссылались.

— Это были более чем объективные причины. На «Интерсвязи» повис долг Российскому космическому агентству, примерно сорок миллионов.

— Долларов, если не ошибаюсь?

— Да, долларов.

Омельченко блаженно закатил глаза:

— О, майн гот! Это ж какие деньжищи! И если я опять же не ошибаюсь, то Волков требовал от вас выплатить ему примерно такую же сумму.

— Да. Ну и что с того? Только он не требовал, он торопил.

— Разве есть разница? Я, например, ее не вижу.

— Большой бизнес требует больших денег, вам ли не знать, Игорь Николаевич.

— Ха! — изрек Омельченко и уселся на угол стола. — Мне ли не знать! Но согласитесь, Виталий Федорович, все ведь сходится, как в таблице умножения.

— Не понимаю.

— Ну как же? Волков требует свои деньги на совершенно законных основаниях. «Интер-связь» его больше не интересует, он там уже, попросту говоря, совершенно никто, так?

— Подождите, как это никто?

— Ну ладно, скажем так, почти никто. Отдать ему в руки — чужому человеку по сути — затребованную им сумму для вас означает влезть по самые ноздри в долги, правильно? А этого ой как бы вам не хотелось. Я вас тут понимаю и всецело поддерживаю. Это было бы ужасной картиной, я ее прямо вижу, как живую. Весь персонал сидит без зарплаты. То есть ходит на работу каждый божий день, а денег не видит. Многие в срочном порядке продают свои «тойоты» и «лендроверы», нажитые непосильным трудом, а до рабочего места теперь добираются сугубо общественным транспортом. А в общественном транспорте все прелести московской народной жизни: нищие, попрошайки, алкашня и тэ дэ и тэ пэ. Что это означает? А это означает, что персонал теперь злющий, как голодный койот, для персонала теперь весь мир выкрашен в мрачные тона, с клиентом он разговаривает кое-как, почти как с бомжами из того же метрополитена, а временами и вовсе срывается на крик. В результате чего клиент от вас бежит как от огня и прибивается к более стоворчивому и покладистому оператору, к тому, что менее всего озлоблен и отравлен бытовухой. А все ваши заказы идут побоку, доходы резко снижаются, и вся ваша фирма в конечном результате уходит с молотка, где ее тут же подбирает какой-нибудь невзрачный олигарх почти за бесценок.

— Что ж, — Проскурец вздохнул, — в прозорливости вам не откажешь. Картину вы нарисовали мрачнее мрачного. Однако у меня другое мнение.

— Ну-с, с большим удовольствием вас послушаю.

— Вы не задумывались как криминалист над тем, что слух об убийстве еще больше подрывает авторитет любой компании? Ведь никто не желает иметь дело с мокрушниками. Активное население далеко не публика-дура, неужели не понятно?

— Понятно, понятно, куда уж понятней.

— Тогда чего же вы от меня хотите?

— А вы не догадываетесь?

— Догадываюсь, конечно.

— А чего же спрашиваете?

— Очень уж хочется услышать это именно из ваших уст.

— Ну хорошо. Согласно закону, то есть статье 34-й Уголовного кодекса, вы — организатор убийства Волкова. Ознакомьтесь с постановлением о привлечении вас к уголовной ответственности. Вам предъявляется обвинение по статье 105-й, часть вторая, пункт «е» Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть умышленное убийство гражданина Волкова. Итак, Виталий Федорович, теперь самый важный вопрос: вы признаете себя виновным?

— Наконец-то вы это произнесли.

— Так признаете или нет?

— Нет, конечно. Вы же прекрасно знаете ответ. Не понимаю только, зачем вся эта казуистика?

— Таковы формальности. Я обязан вас об этом спросить при предъявлении обвинения. А теперь я зафиксирую ваши показания в протоколе допроса обвиняемого.

— А вы знаете, Игорь Николаевич, правила вашей игры, вашей следовательской стратегии логически несложны.

— Интересно...

— Вот как примерно это выглядит. Я признаю себя виновным в совершении инкриминируемых мне действий, вы доводите меня до скамьи подсудимых, суд, само собой, сует меня в исправительно-трудовой лагерь строгого режима лет этак на десять — пятнадцать с полной конфискацией имущества. Вы раскрываете убийство, тут же получаете от Генеральной прокуратуры неслабые премиальные и преспокойно почиваете на лаврах в ожидании очередного повышения по службе. Ну как?

— Вообще-то ничего. В прозорливости вам также не очень-то откажешь. Вы правы. Что я могу еще добавить? Правы. У каждого из нас совершенно четкие мотивы. У вас одни, у меня совершенно противоположные. Как черное и белое. Инь и ян. Вы убегаете, я догоняю. Полицейские и воры, да?

Проскурец равнодушно махнул рукой:

— Ладно, банкуйте. Все козыри у вас. Посмотрим, что у вас получится. После убийства Володи меня теперь мало что проймет. Но ничего подобного признанию вы от меня никогда не дождетесь.

— Завидую вашей твердости, Виталий Федорович. Прямо человек-гора. Стоик Теодора Драйзера.

Проскурец невольно хмыкнул, отреагировав на серию характеристик в свой адрес.

— Но учтите, — повысив тон, начал Омельченко, — никаким условным сроком вам никогда не отделаться. Да и нет таких адвокатов, что отыщут хоть один контраргумент против чемоданчика из крокодиловой кожи.

7

— И где ты его откопала?

— В самолете.

Проскурец держал в руке полупустой стакан, из которого приятно пахло коньяком. Лена держала в руке бутылку с золотистыми армянскими иероглифами на желтой этикетке, предлагая наполнить опять. Они были у нее дома, точнее — у покойного Волкова. За окном сгустились сумерки, пришлось зажечь настольную лампу.

— Всю дорогу от самого Чикаго я проспала как убитая. Как тот сурок. Открываю глаза и вижу: рядом со мной сидит здоровый такой блондинистый мужик, хотя я точно помню, что никакой мужик рядом со мной не сидел. Представьте себе мое недоумение. Как потом оказалось, его подсадили к нам в Неаполе, куда наш Ил приземлился, чтобы разжиться керосином. Сначала я подумала — немец или швед. Вы бы только его видели. Ну вылитый скандинав. И тут все мои подозрения и догадки вылетели в трубу, что называется, моментально, потому что в следующий момент он повернулся ко мне и на чистейшем русском спросил: «Как спалось?» И тут же добавил: «Леночка». У меня глаза сделались вот такенные! Нет, ну вы представляете? Я его в первый раз в жизни вижу, а он мне «Леночка». Он конечно же заулыбался, будто ничего особенного не произошло. И постучал себя пальцем вот сюда, по сердцу, а затем тем же пальцем устался на мою грудь. И тут за сердце схватилась уже я. Пропуск! Черт меня дери — беджи. Ну, пластиковая такая карточка на прищепке, мой личный опознавательный знак сотрудника Чикагского технологического института. Он все это время болтается на мне, как ярлык. Хотите знать обо мне все? Nate вам, знайте, там обо мне все, кроме разве что возраста и семейного положения. И хоть бы одна собака из наших напомнила. А еще друзья называются.

Он назвался Юрием и чуть ли не с ходу предложил выпить с ним шампанского. Представляете? Если честно, я почти не ломалась. А чего ломаться? Никакого смысла. Я представила, как он нажимает кнопку вызова, из глубины салона появляется стюардесса, он ей что-то шепчет, она уходит, а через пять минут она уже стоит с подносом, на котором в двух пластиковых стаканчиках что-то такое шампанистое пузырится, такая аэрохалява, понимаете? Ничего подобного. Этот Юрий пошарил под своим креслом и извлек оттуда «фаустпатрон» ледяного «Абрау-Дюрсо». Вот, говорит, купил еще в Москве, но за курортной суетой и обилием местных тракторий оставил в холодильнике без внимания. Стаканов у него, правда, не нашлось, и пришлось нам по очереди играть горниста.

— Это как?

— Что «как»?

— Играть горниста?

— С горла то есть.

— А-а.

— Слово за слово, только мы как следует присели — и уже в столице нашей Родины. А потом в своей сумочке я нашла вот эту самую визитку. Вы, Виталий Федорович, думайте, что хотите, только я думаю, что это судьба.

— Остается только добавить: летайте самолетами «Аэрофлота».

— Во всяком случае, это первый в моей жизни юрист, с которым я выдула целую бутылку шампанского чуть ли не на брудершафт. С вами разве такое когда-нибудь случалось?

— Нет, не случалось. На меня молодые юристы никогда не обращают внимания.

— Ну вас! — отмахнулась Лена. — Я с вами о самом серьезном...

— Так и я о серьезном. Но мне всегда казалось, что лучший юрист называется высшая справедливость.

— Чего-чего?

— Высшая... эта... справедливость. Или как там ее?

— Ой, Виталий Федорович, не смешите мои кеды. «Высшая справедливость». Где вы только набрались такой ерунды?

— Это не ерунда. Зачем мне адвокат, если дело мое шито белыми нитками?

— Белыми-то белыми. А только вот вы задумайтесь, зачем. Хорошо задумайтесь.

— Было бы странно, если бы я об этом не думал. Ты думаешь, я об этом способен забыть?

— Не думаю. Но только как представляю себе эту тетку, которая «высшая справедливость», то есть Фемида — с безменом и кухонным ножичком... А еще если вспомнить, что она слепая как устрица, то, по ее понятиям, вы и будете самый что ни на есть всамделишный убийца. Потому что на одной чаше весов — вы, маленький такой, прижученный. А на другой — огромный кейс. И кто — кого?

— Хорошо, хорошо, — сдался Проскурец. — Я просто подумал, что классные адвокаты не лакают шампанское в самолетах с незнакомыми попутчицами.

— А вот это мы еще посмотрим.

8

В понедельник утром — ровно в девять — Гордеев без опозданий вошел в прохладные покои юридической консультации на Таганской, 34, надеясь застать своих коллег, что называется, разом. Но обнаружил только секретаршу Машеньку — веснушчатую девицу с совершенным знанием арабского, не считая нескольких европейских. Месяца два назад ее привел Костя Булгарин, торжественно объявив при этом о выходе на международный уровень.

«Как это?» — простодушно спросил тогда Гордеев. В ответ Костя сначала смерил коллегу своим беспардонным взглядом и совершенно спокойно произнес: «Саддам Хусейн — наш потенциальный клиент. Ты, что ли, будешь с ним ля-ля?»

— Маша, приветик! — первым делом изрек Гордеев.

— Ой, с приездом вас, Юрий Петрович! — Маша оторвалась от своего компьютера, где на мониторе вместо традиционной «Формулы-1» действительно был какой-то деловой текст, над которым она трудилась. — Загорели, как Майк Тайсон, честное слово.

— Спасибо за комплимент. А где все? — спросил Гордеев, напуская на себя не в меру серьезный вид.

— Смотря кто вам нужен.

Гордеев задумался, но ненадолго.

— Ладно, никто мне не нужен, — махнул он рукой. — Кофе у нас еще есть?

— Полно, — улыбнулась Маша. — Вам сколько?

— Как обычно — один. Или одно, как сейчас принято выражаться.

— Ждите, — сказала Маша, нажимая на красную кнопку кофеварки. — Сейчас будет вам одно.

И тут до Гордеева дошло, какой международный уровень имел в виду Костя Булгарин. Все дело в том, что Маша долгое время прожила с родителями в Египте, где от скуки не только выучила несколько иностранных языков, но — что самое главное — насобачилась варить превосходнейший кофе, не хуже тамошних кейфистов, даже с помощью обычной электрической кофеварки. Только одна Маша знала, какие зерна идут, а какие ни в какую. И теперь кофейный запах из конторы юрконсультации с утра до вечера будоражит Таганку. А клиенты чувствуют себя уже не как в присутственном месте, а, как минимум, в каирской кофейне, что, само собой, настраивает на легкость общения, на непредвзятый тон.

— Готово, — раздался голос Маши, и перед Гордеевым возникла большая чашка волшебного напитка.

Пользуясь отсутствием сотрудников, он позволил себе выкурить сигарету. Под кофею.

И тут зазвонил телефон.

Маша сняла трубку и через мгновение произнесла:

— Юрий Петрович, это вас. — И тихо добавила: — Женщина.

9

Виталий Проскурец, отпущенный следователем Омельченко под подписку о невыезде из Москвы, придя на работу, ожидал встретить со стороны сотрудников что-то подобное легкому презрению. Но, как ни странно, встретил полное понимание.

Впервые после убийства Волкова он собрал большое совещание, на котором подробно прояснил ситуацию, рассказав обо всем, что ему известно о ходе следствия.

Несколько человек выдвинули ряд рациональных соображений относительно того, какую позицию следует принять Проскурцу в этом деле.

— Кто-то желает вывести нас из равновесия, — высказался Михаил Федотов.

— Кто желает, Миша? Конкретизируй, пожалуйста.

— Я имею в виду структуры, для которых «Интерсвязь» — явный конкурент.

— Кого ты имеешь в виду? «Комтрест»? «Бумеранг»?

— Не думаю, что это дело рук «Бумеранга», но там имеется парочка типов, способных пойти на такое. Тем более такая подходящая для темных дел атмосфера.

— Ты имеешь в виду конфликт между мной и Волковым?

— Да, именно это я имею в виду.

Миша Федотов был одним из самых ценных и перспективных членов команды Проскурца, который притащил его из одного серьезного НИИ, где Михаил за компьютером решал глобальные проблемы движения черных металлов и, в перерывах совершенствуясь в традиционный пинг-понг, систематически выигрывал ящик пива.

Это именно Миша придумал для «Интерсвязи» новую систему организации работы с клиентом, пачками привлекая их невиданными льготами, отчего их фирма получала отличные барыши из-за увеличения потока заказов. Благодаря этим и ряду других его разработок начиная с 1996 года «Интерсвязь», по итогам британского еженедельника «Economist», прочно вошла в первую десятку самых преуспевающих компаний постсоветской России, оставив позади себя многих промышленных монстров, уступая разве что только «Газпрому».

— У тебя есть какие-то существенные доводы, Миша? Я имею в виду твои «бумеранговские» соображения, — строго спросил Проскурец.

— Конечно нет. Это только догадки. Просто догадки. Но они небезосновательны.

— Для следствия твои догадки — признак параноидального бреда. Их уже устраивает их собственная версия. Она греет их холодное сердце. Видел бы ты этого следователя... А впрочем, еще увидишь. Тебя и еще нескольких человек Омельченко любезно приглашает к себе.

— Да, мы знаем, — сказал Миша. — Сегодня пришла пачка повесток.

— Кстати, у него в столе кроме убийственных вещественных доказательств — настоящие мексиканские сигареты, твои, кстати, Миша, любимые.

— О! Это уже иной коленкор.

— Можешь покурить, но не очень-то расслабляйся, — Проскурец погрозил пальцем. — Омельченко — хитрая лиса. Возможно, ты таких хитрецов в жизни своей еще ни разу и не встречал.

— Ничего, прорвемся, — сказал Миша, показывая сжатую в кулак ладонь — а-ля «рот-фронт».

Проскурец выслушал еще несколько реплик от своих коллег, которые по большей части были обеспокоены судьбой компании, что естественно, а значит, и своей собственной. После чего завершил заседание.

Вернувшись в кабинет, он собрался позвонить Лене, но вспомнил, что та сегодня встречается с адвокатом.

10

Лена и Гордеев сидели в кафе «Сатурн» друг против друга. Они решили не засиживаться в официальных стенах юридической консультации, даже несмотря на одуряющий запах кофе, а предпочли взяться за старое — продолжить импровизированное застолье, начатое на борту аэробуса. Гордеев отметил, что Лена выглядит хорошо до ослепительности, причем при всей скромности ее нарядов, которые на самом деле только подчеркивали ее естественную привлекательность.

— Послушайте, — начал Гордеев, после того как Лена изложила ему суть дела, — неужели Владимир Волков действительно ваш отец? Это просто невероятно.

— Что невероятно?

— После того как мы с вами виделись в последний раз, ну, то есть в первый, в самолете по дороге в Россию, мой друг случайно включил радио, и на нас обрушилась информация об убийстве именно Владимира Волкова.

— Даже так. Значит, наша встреча — действительно судьба.

— Вам тоже так показалось?

— Да, именно так и показалось.

— Что ж, я ничего не могу сделать, кроме как взяться за защиту обвиняемого. Вам не знакома фамилия следователя?

— Почему же? У Виталия Федоровича она просто не сходит с уст. Омельченко.

— Да ну?

— Что «да ну»? Вы с ним знакомы?

— Еще как! После университета сидел с ним в одном кабинете.

— Как это в одном? У вас же другие приоритеты. Вы же защитник, а он — обвинитель.

— Все так. Но до того как я стал адвокатом, я служил следователем в прокуратуре.

— Вот уж никогда бы не подумала.

— Не похож?

— Еще не решила, но как-то у меня в сознании это не укладывается.

— Ничего, привыкнете.

— Как же вы так быстро переориентировались? Насколько мне известно, в прокуратуре с обвиняемыми не очень-то церемонятся, рубят лес направо и налево. Может быть, вы хотите сказать, что я не права? Тогда скажите.

— Вы действительно не совсем правы. Везде все зависит от людей. Ничего не поделаешь, мы привыкли судить о месте по человеку, который это место занимает. Но это не всегда верная точка зрения.

— Ладно, тогда — разубедите меня. Покажите мне верную точку зрения. А то я что-то совсем запуталась. Заодно расскажите, что на самом деле происходит с нашей страной. Мне из-за бугра ее что-то было совсем не видать, хотя в Чикаго сейчас русских, наверно, больше, чем самих американцев. Плюнь — попадешь в Толика или в Сашу.

— Разубедить вас — сущий пустяк. Другое дело — самому понять. У меня в голове такая же каша, что и у вас. Хотя из уст адвоката это, скорее всего, должно звучать устрашающе. Но уверяю вас, никто не знает, что с нами происходит. Что-то происходит, вот и все. Одни на каждом шагу трубят о жидомасонском заговоре, другие — о большевистском реванше. Но ни у тех, ни у других нет и не может быть никаких основательных доводов для своих обвинительных доктрин. Никому не приходит в голову, что это просто историческое развитие, что человечество развивается в согласии с движением всего мира.

— Цель — ничто, движение — все, что ли?

— Мир стремится к равновесию. Если Соединенные Штаты собрали под свои орлиные крылья все лучшие мировые умы, то тем самым обделили другие места.

— Знаю, я сама жертва brain drain — утечки мозгов.

— Вся Америка — типичный результат утечки мозгов.

— Скорее, не типичный, а уникальный, — добавила Лена.

— Не спорю. Возможно, вы и правы. Даже согласен, уникальный. Кому из здравомыслящих людей сегодня придет в голову обвинять Америку в том, что у нее там так здорово, замечательно и так далее, и что туда каждый мало-мальски способный и не ленивый индивид устремляет свой взор?

— Да, вы правы. Я сама рванула туда, потому что мне надоело смотреть в раздолбанный микроскоп, которым пользовался еще сам Авиценна. А в Америке я получила все новомодные хай-теки. Как бы там ни было, а Америка — это пример человечеству, каким должен выглядеть мир.

— А вот тут-то вы и заблуждаетесь, — сказал Гордеев и положил на стол свою тяжелую ладонь. — Но хватит об этом. Не будем превращать наш деловой разговор в бесконечную дискуссию. Вернемся к нашему делу.

— Да, я с вами полностью согласна. Но только наш разговор мне почему-то не кажется бесконечной дискуссией. Все очень интересно. Я бы хотела его продолжения.

— Как-нибудь потом. Сейчас я должен вести себя как профессионал.

— Хорошо, — улыбнулась Лена. — Ведите!

Гордеев поудобнее уселся на стуле, приняв правильный, по его мнению, вид — прямая спина, чуть приподнятый подбородок.

— Итак, — начал он, — мне и вам пока ясно одно: Проскурца круто подставили. И не может быть, чтобы этого не понимал Омельченко. Этот жучара сечет все на свете.

— Вы так думаете?

— А вы разве нет?

— Во всяком случае, я об этом догадывалась. Но не решалась делать выводы. Да и не было оснований их делать. Мой отец на том свете, вот и весь вывод. Искать преступника — дело следственных органов.

— И мое.

— Ваше?

— А чье же еще?

— А как же защита обвиняемого? Презумпция невиновности и все такое?

— Погодите, дойдем и до этого. У таких людей, как Омельченко, принцип один — тебя подставили, значит, сам и виноват. Виноват в том, что вовремя не предпринял ничего такого...

— Чего «такого»?

— Не знаю. Насколько я понимаю, Проскурец ничего не предпринял.

— Он даже не мог предположить подобной развязки.

— Ну вот и попался. Презумпция же невиновности для следственных органов — пока еще пустой звук. Этим, как правило, очень часто пользуются преступники. Просто сплошь и рядом. На каждом шагу. И если честно, именно эта прореха в нашем законодательстве заставила меня податься в адвокаты. А раньше, тысячу лет тому назад, я был «важняком».

— Кем, простите?

— Это вы простите. «Важняк» —следователь по особо важным делам. Точно такой же, как и Омельченко.

— А разве убийство моего отца — особо важное дело?

— Еще какое важное. Там, где замешаны большие деньги, любое дело из рядового превращается в особо важное. Особенно когда от этих денег зависит состояние государственного бюджета. Можно сказать, что прокуратура имеет только одну-единственную задачу — охрана

казны. И любое нарушение закона — подчеркиваю, любое — там рассматривается как посягательство на госбюджет.

— Каким образом, если не секрет?

— Как правило, косвенным образом. Ведь никому же в голову не придет грабить государство напрямую, не в средние же века живем, когда все финансовое богатство державы лежало в каком-то одном царском погребке, а к погребу был приставлен казначей. Сейчас госбюджет рассортирован по разным мешкам, а мешки эти разбросаны по всей стране.

— Или по всему миру.

— Или по всему миру. — Гордеев с уважением посмотрел на Лену. — О! А вы, я вижу, не отличаетесь тугодумием.

Лена усмехнулась:

— Если это комплимент, то спасибо. До сегодняшнего дня я думала, что хорошо разбираюсь только в биохимии, да и то когда стою у кухонной плиты. Но если честно, мне до сих пор ничего особенно не ясно.

— Ладно, как-нибудь проиллюстрирую примером из жизни. Когда я могу встретиться со своим клиентом? Я имею в виду — с Проскурцом?

— Когда нужно? Можно хоть завтра.

— Да, и не забудьте зайти в нашу юрконсультацию внести гонорар и оформить соглашение. Без ордера на защиту я не смогу явиться к нашему «важняку» Омельченко.

— Все сделаю, как договорились. А с Виталием Федоровичем вы можете встретиться прямо у нас.

— У «нас» — это где?

— У меня. Теперь, к сожалению, уже только у меня.

— Это квартира вашего отца, правильно?

— Да.

— Очень хорошо.

— Почему?

— Будет полезно окинуть взглядом некоторые из его личных вещей.

— Хорошо. Я вам сегодня же позвоню. У вас есть мобильный телефон?

— Когда-то был, да и то не мой. Теперь нет. Да он мне и ни к чему.

— Адвокату и ни к чему?

— Пока был ни к чему. Не сваливалось таких дел, чтобы без мобильника хоть криком кричи. Все какая-то мелочевка. Другое дело — ваше дело.

— Заметано. Завтра у вас будет свой собственный телефон. Я думаю, Виталий Федорович расщедрит на один «Эрикссон». Для своего адвоката.

— А то! — рассмеялся Гордеев.

11

Вернувшись из «Сатурна» в юрконсультацию, Гордеев, как и мечтал, застал некоторых своих коллег, что называется, одним махом. После двухнедельного паломничества в Италию он страшно соскучился по друзьям-коллегам. Несмотря на порой вопиющую разность интересов, Гордеев прикипел к ним настолько, что именовал свое сообщество не иначе как «кланом».

После обмена любезностями, по традиции переходящими в невинные колкости, Гордеев подошел к Косте Булгарину и с ходу вцепился в одну из пуговиц на его новехоньком пиджаке.

— Э, э, Гордеев, — взмолился Костя, — оторвешь же, гад. Только два дня, как ношу.

— Я и сам вижу, что шмотка свежая.

— Если видишь, какого рожна крутишь?

— Хороший костюмчик. Почем брал?

— А тебе какое дело?

— Такой же хочу. Штуку баксов тянет?

— За штуку я еще год назад отоваривался.

— Ого! Две?

— Ну, примерно две, — не без гордости произнес Костя.

— Значит, Генри Резника ты уже настиг. Так надо понимать?

— Понимай как хочешь. А лучше заведи себе достойных клиентов и сам настигай кого вздумается.

— Уже завел такого.

— Да ну! И кто же этот счастливцев? Билл Гейтс?

— Не совсем, но где-то там.

Костя уставился на Гордеева своими немигающими глазами.

— Ладно, не тяни резину, рожай скорее — кто?

Гордеев снисходительно посмотрел на Булгарина, отхлебнул из чашки и четко произнес:

— Проскурец.

Лицо Булгарина на какое-то мгновение вытянулось вниз, будто в кривом зеркале.

— Какой Проскурец?

— Сам знаешь какой. Из «Интерсвязи».

— Да ну! Брось.

— Что «брось»?

Костя приблизился к Гордееву и тихо проговорил:

— Не твоего полета птичка.

— Как это не моего? Тебе одному, что ли, клифты за две штуки носить?

— Гордеев, кончай цирк. Ты же капиталистов за семь верст всегда обходил.

— Когда такое было?

— Да всегда. Ты же сам говорил, что у тебя от всех этих... как ты их называешь?

— Кого?

— Ну этих... новых русских...

— А-а, от «лавандосов».

Костя кисло усмехнулся:

— Черт тебя возьми, Гордеев, где ты только таких слов успеваешь нахвататься?

— На улице, друг мой, на улице. Слушай, вообще-то я с тобой не это хотел обсудить. Давай не будем рвать друг у друга кусок мяса. Я бы тебе этого Проскурца сам всего с потрохами отдал...

— Ну так отдай, чего му-му паришь? Я, можно сказать, только и ждал, когда его прижучат. А тут ты...

— Можешь не переживать, — вставил Гордеев, — уже прижучили. Но дело здесь не в самом Проскурце.

— А в чем?

— Понимаешь... Как бы тебе так сказать, чтобы ты все скумекал? Ко мне обратился не собственно Проскурец, я его еще даже в глаза не видел.

— А кто?

— Да погоди ты со своими «кто», «в чем». Дай договорить. — Гордеев заерзал на стуле, усаживаясь поудобнее. — Позвонила дочка Волкова. Ну, того, которого взорвали. А Проскурца теперь жучат как основного подозреваемого в убийстве. Уже обвинение предъявили. Понимаешь?

— Не-а, не понимаю. Чего это дочке потерпевшего вздумалось выгораживать потенциального преступника?

— Да потому, что Волков с Проскурцом были корешами.

— Ну и что с того?

Гордеев, нахмурившись, посмотрел на Булгарина:

— Так, я вижу, тебе с ходу ничего не втемяшишь. Ладно, объясню как-нибудь потом.

— Нет, чего уж тут, объясняй сейчас.

— Короче, ты сам все по ходу дела поймешь. Меня интересует не Проскурец, а, скорее, дочка Волкова.

Глаза Кости моментально сделались маслянистыми.

— Что — запал на девку, кобелюка? Можешь не отвечать, по глазам вижу.

Гордеев демонстративно опустил веки:

— Кто ж его знает, как оно сложится. Тут долгая история. Понимаешь, этот Проскурец ей теперь как бы вместо отца. И я ей пообещал, что вытяну его из этого дерьма.

— Я так понял, ты с ней не в первый раз...

— Угадал, — вставил Гордеев. — Мы еще в самолете спелись.

— Славно, славно...

— Слушай, Костян, мне твои консультации, если честно, в этом деле вот так нужны. — Гордеев «резанул» ладонью по горлу. — Как сало хохлу. Ты же с этими высокими технологиями на коротком поводке гуляешь, да? Расскажешь, что и как... Ну ты понял? За услуги будет заплачено из моего гонорара.

— А как же клифт за две штуки?

— Подождет. Похожу пока в том, что есть.

12

Гордеев пешком поднялся на пятый этаж, не дожидаясь лифта. Ему всегда казалось, что ноги надежнее техники.

Дверь открыла по-домашнему одетая Лена, а в ноздри ударил сногшибательный запах жареной птицы. Утка, пронеслось в голове у Гордеева.

— По-пекински? — спросил он вслух.

Лена чуть заметно улыбнулась и пожала плечами:

— Не знаю. А разве не все равно?

— Старый холостяк знает толк в хорошей кухне.

Лена и Юрий некоторое время стояли, уставившись друг другу в глаза, не зная, о чем говорить.

— Где мой клиент? — прервал молчание Гордеев.

— Я здесь. — Донеслось из комнаты, и в прихожую вышел солидного вида мужчина, протягивая ладонь. — Здравствуйте. Моя фамилия Проскурец. Виталий Федорович Проскурец.

— Гордеев. Юрий Петрович, — сказал адвокат, пожимая сухую руку своего нового клиента. — Очень приятно.

За столом, разделяваясь с уткой, они предпочли обмениваться несущественными пустяками, благоразумно отложив до конца трапезы обсуждение дел, ради которых они встретились.

Затем, расположившись в кабинете покойного Волкова, Гордеев задал первый вопрос:

— Виталий Федорович, скажите, у вас есть враги?

— Враги?

— Да, именно враги.

— А у кого же их нет? Только полное ничтожество может их не иметь.

— Вы в этом уверены?

— Уверен, не беспокойтесь. Только ничтожество способно лечь под каждого, кто выше его, и не испытывать при этом никакого чувства вины. Враги же помогают нам чувствовать себя собой, если хотите.

— Прекрасно! — воскликнул Гордеев.

— Что прекрасно? Враги?

— Нет, сказано прекрасно. И все же, вы не могли бы вспомнить, кто именно является, ну, или может являться вашим противником?

— Послушайте, неужели вы думаете, что я вот так с бухты-барахты начну тыкать пальцем во всякого, кто когда-то не в том месте перешел мне дорогу?

— А почему бы и нет? У нас это называется методом свободных ассоциаций.

— Свободных ассоциаций, вы сказали?

— Да.

— Но постойте, насколько я помню, свободные ассоциации — это что-то из фрейдизма.

— Вы угадали. Почти так.

— Но вы ведь не собираетесь избавлять меня от эдипова комплекса?

— Упаси Бог! Хотя юрист мало чем отличается от психоаналитика.

— Да? Никогда об этом не думал.

— Нас отличают масштабы. Первый помогает исцелить душу отдельного человека. Мы же лечим целое общество. Свободные ассоциации — это мое персональное заимствование у Фрейда. Ну и как вам важняк Омельченко?

Проскурец пожал плечами:

— Ему, как он говорит, все яснее ясного в этом деле.

— Ах да, я забыл. Он идет по пути наименьшего сопротивления. Ему некогда распыляться на криминалистические технологии.

— Лена мне говорила, что вы с ним почти однокашники.

— С Омельченко? Именно, что почти. Но не более того.

— И какого вы о нем мнения?

— Лиса. Хитрая, изворотливая лиса. Вот, пожалуй, и все, что можно о нем сказать.

— Вы надеетесь эту лису одолеть?

— А разве у нас есть иной выход? Или мы его, или он нас. Особенно когда загонит дело в суд. До суда мы дойти не должны. Нужно все утрясти на берегу, иначе нас ожидают крупные издержки. Прежде всего финансовые.

— Финансовая сторона — это по моей части. Пускай она вас не беспокоит. Я пока не бедняк.

— О, Виталий Федорович, здесь вы не совсем правы. Издержки могут раздуться до таких размеров, что разорят и вас, и вашу компанию, что называется, в один момент.

Проскурец наклонил голову вперед, упершись в выставленный кулак, и тягостно проговорил:

— Юрий Петрович, мне необходимо избавиться от этого груза. Он повис на мне неизвестно за какие грехи.

— Ну, про ваши грехи мы поговорим отдельно. А теперь давайте приведем себя в порядок и кое-что все-таки обсудим.

Проскурец поднялся со своего места, прошелся в другой конец комнаты и открыл встроенный в мебель холодильник.

— Не возражаете, если мы немного выпьем?

Гордеев улыбнулся. Перед ним был живой человек с совершенно живыми желаниями и потребностями, совсем не тот чванливый «лавандос», с которыми для него ассоциировались все без исключения новые русские.

— Не возражаю, — ответил он. — Даже с удовольствием. Но только самую малость. Я как-никак за рулем.

— Ах да, я не подумал, — Виталий Федорович разочарованно нахмурился. — Тогда, если вас оштрафуют, смело записывайте на мой счет. Ведь это уже мой грешок.

— Договорились, — сказал Гордеев, берясь за рюмку.

Они выпили, немного помолчали.

В кабинет вошла Лена и вопросительно посмотрела на них.

— Как вы тут? Пришли к согласию? — И увидев в их руках водку, радостно возвестила: — Спелись!

— А почему бы не спеться, — пустился в рассуждения уже слегка захмелевший Проскурец. — Люди мы или не люди, в конце-то концов?

Гордеев смотрел попеременно то на Виталия Федоровича, то на Лену, как бы сравнивая их, и, как ни удивительно, находил сходство. Нет, не внешнее. В этих людях была какая-то общая черта, которая особенно его привлекала. Объяснить это простыми словами было невозможно, требовалось нечто большее. На некоторое время Гордеев решил, что это просто воздействие алкоголя, но вскоре эту версию отклонил. Нет, не то. Это было что-то далекое, но при этом до боли знакомое, будто из детства, как бабушкины пирожки с капустой. Словом, в обществе этих людей он впервые за долгие годы почувствовал настоящий душевный комфорт. И еще решил, что готов сделать все, что в его адвокатских силах, чтобы вернуть этим людям их жизненное равновесие.

— Почему Волков ушел с поста гендиректора «Интерсвязи»? — спросил он, когда Лена вышла из кабинета.

— Расхождения во взглядах, — ответил Проскурец, не задумываясь.

— Чьих? Ваших и его?

— У Володи были свои личные представления о перспективах развития нашей компании. В последнее время он осыпал меня массой всевозможных упреков. Говорил, мол, я консерватор, ретроград, за деревьями не вижу леса и все такое прочее. Я же просто реалист, и оттого реально смотрю на вещи. А Волков, как мне казалось, от реальности был далек. Все наши перепалки в итоге привели к тому, что он собрался наконец с духом и решил: лучше расстаться по-доброму, чем продолжать работать в таких условиях.

— Он именно с вами не сошелся во взглядах? Или были другие, с кем он не ладил?

— Нет, только со мной. С сотрудниками у него были великолепные отношения. У нас работают в основном молодые люди, они тянулись к Волкову. Он находил с ними общий язык, я — не всегда. Такой уж я человек. И поздно меня перековывать.

— Насколько мне известно, Волков остался акционером «Интерсвязи».

— Да, как основатель компании, он имел триста тысяч акций.

— Это сколько? — поинтересовался Гордеев. — Я имею в виду в деньгах.

— До прошлогоднего августовского кризиса наша компания американскими экспертами оценивалась в два миллиарда триста миллионов. Долларов, разумеется.

Гордеев даже присвистнул.

— Вот и посчитайте, — продолжал Проскурец. — Триста тысяч акций — это примерно шесть процентов от общего пакета.

Гордеев призадумался, принявшись вычислять.

— Не утруждайте себя, Юрий Петрович, — сказал Проскурец. — Сумма, которая принадлежала Волкову, составляет от ста до ста пятидесяти миллионов долларов.

Гордеев все еще не мог отделаться от мысли, что перед ним не очередной рассказчик красочных баек про чьи-то несусветные доходы. Таких баек он за все девяностые годы наслушался бесконечное множество, от клиентов — в особенности. Он поймал себя на мысли, что невольно осматривает кабинет покойного. Квартира как квартира, в обычной панельной башне серийного образца. Глядя на это, никогда не скажешь, что здесь живет миллионер.

— «Интерсвязь» — это первая российская компания, акции которой стали высоко котируются на Нью-Йоркской фондовой бирже, — продолжал Проскурец. — Я не хвастаюсь. Для нас самих это было полной неожиданностью. Впрочем, я ошибаюсь. Есть у нас в штате один толковый парень, для которого такой поворот событий был нормальной закономерностью. Во многом благодаря его голове мы достигли таких высоких показателей.

— А кто этот парень?

— Вам действительно интересно?

— Пожалуй, да.

— Если хотите, я могу устроить вам встречу. Это проще простого. Надеюсь, вам будет о чем потолковать. Его зовут Миша Федотов. Это действительно прелюбопытная личность.

— Не сомневаюсь. Но давайте вернемся к Волкову. Вы поддерживали отношения после его ухода?

— Поддерживали, если можно так сказать. Он предложил мне выкупить его шестипроцентный опцион. Я, в принципе, дал «добро». Мне было выгодно завладеть его пакетом акций, тогда бы я сразу стал монопольным владельцем «Интерсвязи». Шесть процентов — это достаточно, чтобы повлиять на управляемость компании. Но таких денег у меня на тот момент не было, как нет и сейчас. Кризис здорово всех подкосил. Поэтому я всячески оттягивал момент выплаты. А Володя регулярно настаивал, звонил, говорил, что, если я не потороплюсь, он весь свой пакет выбросит на биржевые торги.

— Ему нужны были деньги? — спросил Гордеев, ожидая нового поворота истории.

— Да, ему нужны были деньги.

— Вы не знаете, зачем? Это же не просто деньги, а очень большие деньги. А судя по всему, в жизни он был не слишком притязательным человеком.

— Вы правы, не слишком. Почти непритязательный. Довольствовался самым малым. Деньги для него были не самоцелью, а инструментом. Очевидно, в последнее время он затевал какой-то новый проект, который требовал больших финансовых вливаний.

— Я так понимаю, вы не в курсе его новых дел?

— Ну, если бы я серьезно вникал во все дела, которыми занят Волков, у меня бы просто не было ни сил, ни времени вести «Интерсвязь», — выпалил Проскурец, но, подумав, добавил: — По слухам, что-то связанное с новыми телекоммуникационными технологиями. Хотя я совсем не исключаю и другие варианты.

— Разве вам действительно было неинтересно? — вежливо спросил Гордеев. — Ведь телекоммуникационный бизнес — это же и ваш бизнес, не так ли?

— Вы хотите сказать, не считал ли я его своим конкурентом? — спросил Проскурец, не скрывая улыбки. — Нет, не считал. Волков был чрезвычайно легок на подъем, заводился с пол-оборота от любой мало-мальски интересной идеи. Однако из-за отсутствия реальной почвы под ногами не всякая идея в его руках получала должное воплощение. Вы даже представить себе не можете, сколько всплесков волковского энтузиазма я пережил за все время нашей дружбы! У «Интерсвязи» своя надежная ниша в российском телекоммуникационном пространстве. Володя затевал что-то совершенно новое, можно сказать, невиданное. А наш клиент вряд ли станет менять свою испытанную «Моторолу» или «Эрикссон» на какую-нибудь сверхновомодную игрушку с кучей неизвестно для чего предназначенных примочек. Никто не горит желанием ни с того ни с сего переходить на другие стандарты подвижной связи. Все хотят стабильности. Мы им эту стабильность изо всех сил стараемся обеспечить.

Последние слова в голове у Гордеева вызвали настоящую эмоциональную бурю. По части высоких технологий он чувствовал себя самым последним профаном. Денис Грязнов был совершенно прав, когда говорил о современном пространственно-временном интенсиве и о том, что из него очень просто выйти, но трудно вернуться, — он просто вышвыривает за борт всех своих ренегатов, не щадя никого. Ничего удивительного — на носу третье тысячелетие, время крутых технологических перемен. Делать нечего, придется подучиться, что-то на эту тему почитать, «засесть за словари», расспросить Дениса, наконец. Перед Проскурцем что-то не очень хотелось показывать свое невежество, что называется, лицом.

Но на один вопрос он все-таки решился:

— Виталий Федорович, вы не могли бы вкратце рассказать, как вы с Волковым организовали вашу компанию?

— Вкратце? — Проскурец призадумался. — Вообще-то история длинная. Но я попробую.

— Если не трудно.

— Началось все давно, еще когда мы с Волковым работали в Военно-промышленной комиссии при Совмине СССР. Проектировали систему противоракетной обороны страны. Сейчас это уже не секрет, поэтому я не требую от вас никаких клятв на предмет неразглашения.

Гордеев на всякий случай приложил к губам указательный палец, мол, мой рот на замке.

— Когда грянул девяносто первый, — продолжал Проскурец, — мы ясно осознали, что у нас впервые в жизни появилась возможность сделать что-то свое, а не горбатиться на «дядю».

— Дядю? — переспросил Гордеев, демонстрируя всю широту улыбки.

— Ну да, дядю. Так ласково мы называли нашу дорогую государственную систему. Впервые за долгие годы государство позволяло всякому хоть в чем-то кумекающему честному человеку сделать то, что ему хотелось сделать всегда. Реализоваться на полную катушку, так скажем. Мы начали, когда нам было уже далеко за сорок. Прямо с самого нуля. Имея за плечами немалый опыт, но ни единой копейки в кармане. Ни о каких баснословных прибылях никто

из нас даже и не мечтал. Просто чесались руки на большую работу, вот и все. И когда такая работа подвернулась, мы ушли в нее с головой. Вот, пожалуй, и все, если вкратце. Остальное вы сами можете видеть. Сотовая связь работает, растет, развивается... Только Волков вот...

— Ну все, Виталий Федорович, — успокаивающим тоном начал Гордеев, — я думаю, на сегодня достаточно. Отдыхайте, старайтесь держаться молодцом, а мы со своей стороны сделаем все, что от нас зависит. Если вспомните что-нибудь существенное, то знаете, как меня найти.

— Слушайте, Юрий Петрович, я кое-что уже вспомнил.

— Да? Очень хорошо. Ну так говорите же.

— Незадолго до гибели Володи я видел его в «Метрополе» в компании одного важного типа. Его фамилия Пашкевич. Это наш общий коллега по Военно-промышленной комиссии. Фигура, надо сказать, чрезвычайно засекреченная. Во всяком случае, до недавнего времени, сейчас не знаю. Они с ним что-то горячо обсуждали. Я не подслушивал, но до моего слуха помимо воли дошел некоторый смысл. Он касался именно того нового проекта, о котором вы меня расспрашивали.

— Вот это уже интересно. Этого Пашкевича можно найти?

— Попробуйте. У меня даже имеется номер его домашнего телефона. — Проскурец извлек из кармана пиджака записную книжку в черном переплете. — Вот. Пашкевич Евгений Павлович. У него, я надеюсь, вы получите наиболее исчерпывающую информацию.

Гордеев заглянул в раскрытый блокнот и аккуратным почерком списал номер в свой адвокатский органайзер. Затем, вспомнив о запланированной на сегодня встрече с Костей Булгариным, посмотрел на часы. Они показывали без четверти три.

— О, мне пора.

— Подождите, Юрий Петрович, — сказал Проскурец, — мы еще не все утрясли.

Гордеев бросил на него вопросительный взгляд.

Проскурец положил на колени кожаный кейс, щелкнул никелированными замками и вручил Гордееву пластиковую коробочку черного цвета. Сотовый телефон! Удобный, округлой формы корпус размером не больше солнцезащитных очков легко разместился бы в детской руке, а кнопки, благодаря их выпуклости и рассредоточению почти по всей поверхности телефона, не мешают друг другу.

— Спасибо, — отреагировал Гордеев, рассматривая презент, приятно холодящий ладонь. — Штука что надо. Теперь я вооружен связью до самых зубов. Будем считать это авансом в счет гонорара.

— Нет проблем, — заулыбался Виталий Федорович.

Прощаясь, Юрий Гордеев и Лена Волкова снова долго смотрели друг другу в глаза, не произнося ни звука. Слова были не нужны. Электрическая дуга чувств, образовавшаяся между ними, говорила об очень многом, не нуждаясь ни в каком озвучивании. Гордеев лишь молча пожал протянутую ему теплую руку, и ритуал был совершен.

Другое дело Проскурец. Соблюдая рамки делового общения, прощаться приходилось также по-деловому.

13

В 15.30 Гордеев уже входил в контору юрконсультации на Таганской, 34. Кости на месте еще не было, и Гордееву пришлось довольствоваться лишь Машенькиным кофе.

Он еще вчера договорился с Костей о встрече. Как и в вопросах высоких технологий, Гордеев был такой же неуч по части крупных финансов. Не совсем, конечно, неуч, но отстал безнадежно. Его страна развивается семимильными шагами, скачет с места на место, что кенгуру. В одном и том же месте сегодня могут действовать одни законы, а завтра картина меняется радикально с точностью до наоборот. Вышел из мейнстрима — все, начинай сначала. По поводу своей неграмотности Гордеев огорчился не очень сильно. Он был уверен в одном: если надо, он освоит любую сторону жизни за рекордно короткий срок. Еще на юрфаке он удивлял однокурсников своей чудовищной обучаемостью, когда однажды за одну ночь вызубрил чуть ли не назубок весь толстенный том по римскому праву, за что в итоге заслуженно любовался твердой «отл.», вписанной в зачетку нервной рукой профессора Арцыбашева.

— Привет, Юрец! — послышался бодрый голос Кости. — Давно ждешь?

— Не очень, — отозвался Гордеев. — Пришел и жду.

— Извини, старик, еще секундочку. Мне нужно срочно кое-куда звякнуть. В моем мобильнике что-то батарейки подсели.

— Возьми мой. — Гордеев не без бахвальства извлек из кармана новенькую, еще пахнущую свежим пластиком овальную «Моторолу».

Как и ожидалось, Костя вскинул брови.

— Откуда? От Проскурца?

— Аванс.

— Растешь, черт возьми, — резюмировал Костя, набирая номер на новой гордеевской «игрушке».

Пока он болтал, Гордеев думал, какая же это светлая голова придумала сотовую связь. С ее появлением человек перестал быть привязанным к дому, к конторе, к рабочему месту, где он, как правило, сидел в четырех стенах, взаперти, в ожидании телефонных звонков, изнывая от недостатка общения. А теперь ходит, где ему вздумается. Вот она — та самая долгожданная свобода!

— Хорошая штука, — сказал Костя, протягивая Гордееву телефон. — На, носи. И не теряй. Другого такого тебе еще долго не видать.

— Как знать. Никогда не угадаешь, что она выкинет в следующий момент.

— Кто она?

— Жизнь, кто же еще?

— А, ты все про это. Жизнь, друг мой, мы сами себе делаем.

— Да ну? А разве не мама с папой?

— Ну все! — не выдержал Булгарин. — Вступать в дискуссию по поводу твоих никчемных тем я не собираюсь.

— Да я тебя, в общем-то, и не призываю. Ты сам заводишься. Что, что-то там с клиентурой? Какие нелады? Говори, поможем.

— А разве не ты нуждаешься в моей помощи?

— Я, — кивнул Гордеев. — А завтра наверняка ты будешь нуждаться в моей. Никто ни от чего не застрахован.

— Гордеев, не обобщай, — брезгливо скривившись, отрезал Булгарин.

— Ладно, не буду.

Костя удалился выкурить сигарету, а когда через пять минут вернулся, на его лице уже как ни в чем не бывало лежала маска благостного умиротворения. Очевидно, никотин дей-

ствовал на него каким-то гипнотическим образом, потому что, усевшись напротив Гордеева, он заговорил прежним тоном, переполненным дружескими нотами:

— Давай, Юрок, вываливай свои проблемы.

— Да, в общем-то, не проблемы это, а так, пара вопросов, — отозвался Гордеев.

— Тогда давай свою пару вопросов.

Гордеев положил на стол органайзер, открыл на нужной странице, куда обычно записывал все, что так или иначе нуждалось в пояснении, и заговорил:

— Сотовая связь. Мне нужно знать о ней все.

Булгарин с недоумением посмотрел на Гордеева, хмыкнул:

— Слушай, ты же только что от Проскурца. Ты у него разве не мог спросить?

— Я предпочел никакой информации на эту тему у него не получать.

— Почему?

— Боюсь, она может оказаться однобокой, так как он лицо заинтересованное. Специалист подобен флюсу.

— Мудро, — качнул головой Костя. — До классного лойера тебе остался один маленький шаг.

— Давай без комплиментов. У меня для них в голове ни пяди свободного места.

— Ладно. Сотовая связь, говоришь? Хорошо, тогда слушай.

Гордеев уселся поудобнее, приготовившись записывать.

— С ликвидацией старой монолитной структуры управления народным хозяйством, — говорил энциклопедически разносторонний Костя Булгарин, — и появлением новых категорий экономических субъектов, а именно фирм, коммерческих банков, акционерных объединений, бирж и прочих, которых нынче плодится не меньше, чем грибов после хорошего дождя, значительно возросла экономическая конкуренция.

— Вот новость! — проворчал Гордеев. — Ты мне Америк, пожалуйста, не открывай. Давай по существу. Ближе к телу, так сказать.

— Экономическая конкуренция означает одно: теперь успешная экономическая деятельность предприятий и организаций становится все более затруднительной, если отсутствует должное оснащение вычислительной техникой и средствами оперативного доступа к информации, рассредоточенной по многим системам и банкам данных как внутри страны, так и за ее пределами.

Практической и наиболее реальной основой для обеспечения большинства информационных потребностей может служить развитая сеть отечественных систем и каналов связи, охватывающая всю территорию страны и обозначаемая емким понятием «деловая связь». И здесь доминирующее положение занимают сотовые системы подвижной радиосвязи. Это принципиально другая структура, основанная на сотовом построении и распределении сигнала. Зона обслуживания делится на большое количество ячеек, именуемых сотами.

— Сотами? — переспросил Гордеев. — Шестигранники такие, да?

— Да, по форме они действительно напоминают пчелиные соты. Их радиус в среднем колеблется в пределах от полутора до пяти километров. Каждая из сот обслуживается отдельной базовой радиостанцией небольшой мощности, находящейся в центре ячейки. Совокупность же ячеек образует зону обслуживания. В центре зоны размещена центральная станция, соединенная проводными или радиорелейными линиями с телефонной сетью общего пользования и со всеми базовыми станциями, находящимися в зоне обслуживания. Абоненты могут осуществлять связь между собой и через центральную станцию выходить на любого абонента телефонной сети общего пользования. Понятно?

— Это все? — спросил Гордеев.

— Все, — сказал Костя. — Я думаю, тебе этого будет вполне достаточно. Еще вопросы есть?

— Полно, — сказал Гордеев, рисуя в своем органайзере соты-шестигранники. — Каким образом у тех, кто занимается телекоммуникационным бизнесом, такие сверхприбыли?

— Какие сверхприбыли?

— Ну как «какие»? У них же оборот — сотни миллионов баксов. А это ведь не алмазы, не золото и даже не нефть с алюминием.

— Такие доходы остались в далеком прошлом. Августовский кризис им крылья так подрезал, что мама не горюй. А пока системообразующие банки не накрылись медным тазом, телекоммуникации действительно были самой бурно развивающейся отраслью новой российской экономики, а самым прибыльным сектором этого рынка была сотовая связь. Теперь они еле-еле концы с концами сводят, а прошлый год вообще закончили со страшными убытками. Но, правда, еще держатся.

— Ну а раньше откуда такие обороты? Это же не массовая какая-нибудь, а, можно сказать, элитарная связь.

— В том-то и дело, что элитарная. Когда народ на перестроечной волне стал набивать карманы зелеными хрустами, мобильник стал таким же символом преуспевания, как шестисотый «мерс» или «гранд чероки». Потому и стоил нехило — до двух штук, да еще за разговор по полбакса за минуту. Вот и посчитай. Мобильник тогда был не средством, а атрибутом крутизны и символом власти. По его наличию узнавался чувак влиятельный, богатый, а по его отсутствию — не очень, то есть, проще говоря, лох. Кому же охота выставять себя напоказ лохом? Вот народ-то из кожи вон и лез, чтобы повесить на пояс такую же штукину, что и у тебя. — Костя показал на стол, где молчаливо лежала «Моторола». — А те, кто эти мобильники распространял, на простоте человеческой откровенно наживались. Да тот же твой Проскурец. Вот почему наша сотовая связь — самое дорогое удовольствие в мире.

— Понятно. — Гордеев почесал затылок. — Ну, а с другой стороны, не будь у них такой прибыли, им попросту бы не хватило средств для нормального развития.

— Во! — воскликнул Костя. — Совершенно справедливо. Это именно то, что называется этапом первоначального накопления капитала. А задача адвоката — обеспечить такое правовое поле, в котором этот этап проходил бы наименее болезненно.

— Не учи ученого. Это я и без тебя усвоил.

— Вот и молодец. Значит, толк из тебя будет.

— Ладно, хватит язвить, — беззлобно огрызнулся Гордеев.

— Ладно, не буду, — почти весело отозвался Булгарин.

Гордеев, исписав несколько страниц соображениями, которые совместно с Костей успел выработать, захлопнул органайзер.

— Пойдем лучше поближе к кофеварке, — сказал он. — Мой организм заждался кофеина.

14

После разговора с Гордеевым Виталий Федорович явился на рабочее место в заметно приподнятом настроении. Наконец-то в его безнадежном деле появился настоящий и, кажется, весьма толковый защитник.

Оторвав от компьютера Михаила Федотова, позвал его в свой кабинет.

— Миша, все нормально, — заговорил он. — Мне думается, мы выкарабкаемся.

— Мы?

— Мы, мы. Наша компания. Его фамилия Гордеев.

— Чья фамилия?

— Адвоката.

— Ага! У вас, значит, появился адвокат? — спросил Миша, одобряюще улыбаясь.

— Да.

— И кто же он?

— Толковый, молодой, понимающий. Его Лена нашла. Кстати, ты с ней разговаривал?

— Один раз. Да и то только после похорон.

— Ну и что она?

— Да ничего. Сами понимаете, каково человеку. У нее же отца убили!

— Да, это все понятно. Но ты ей тоже не самый чужой. Даже жениться собирались.

— Собирались. Но только когда это было? Лет сто назад.

— И тем не менее и ты и она до сих пор как трава в поле. Ни семьи, ни детей. А пора бы уже.

— Да я не против. Она мне до сих пор по ночам снится.

— Так за чем же дело стало? За ней, да? Ты это хочешь сказать?

— За ней, за кем же еще. Вы же ее характер знаете. У нее в голове только подопытные мухи.

— Это ты зря. Она просто увлечена своей работой, вот и все. Как и ты, в общем-то. В любом случае, лучшей пары тебе не найти. Мало на земле найдется девушек, способных тебя оценить по-настоящему. А Ленка может.

— Да она-то ценит. А что толку?

— А толк будет, когда ты сам подойдешь к ней и первым попросишь прощения. Первым, ты понял?

— А почему я первым? Она тогда первая все затеяла.

— Да потому что ты мужчина, вот почему. Понятно?

— Понятно. Только не понятно, как это сделать.

— Как? Возьми в руки телефон, набери номер, позвони, договорись о встрече. Неужели тебе не интересно узнать, как она провела целый год в Чикаго?

— Да я сам, когда мотался в Чикаго, собирался ей позвонить, но так и не решился.

— Ну и зря, что не решился. А теперь возьми и позвони. Не думаю, что она откажется с тобой увидеться.

— Вы уверены? — робко спросил Миша.

— Абсолютно, — поставил точку Проскурец. — Ладно, иди работай. Компания не должна страдать от простоев.

15

Весь день Гордеев провел в раздумьях. Его неотвязно преследовала одна и та же мысль: является ли Проскурец тем, за кого себя выдает? Не способен ли он пойти на организацию покушения на Волкова ради сохранения своего детища — компании «Интерсвязь»?

Большие деньги, как известно, меняют человека. И, как правило, не в самую лучшую сторону. А потеря компании для Проскурца означала бы разбитое корыто. Ни много ни мало. Потерять на склоне лет дело своей жизни, остаться, что называется, ни с чем, превратиться в прежнего полунисшего инженеришку — это было бы невыносимо. После такого поворота только один путь — веревка. Но, с другой стороны, зачем лезть в петлю самому, если туда можно загнать своего соперника? Но такой ли Проскурец? Способен ли он на подобное? Не знаю, пока не знаю, думал Гордеев. Время покажет. Время все расставит по местам.

И адвокат решительно взялся за телефонный аппарат.

Он позвонил сначала загадочному Евгению Павловичу Пашкевичу, которого порекомендовал ему Проскурец, но того ни дома, ни вообще в Москве не оказалось. Он был в командировке. Как объяснила его жена (или кто она ему?): «Женю послали на космодром Байконур, где по его части возник ряд неразрешимых вопросов».

— Ему туда можно позвонить? — спросил Гордеев, пряча волнение.

— Я думаю, можно, — ответила женщина. — Но только я не знаю номера. Он обычно сам звонит.

— А когда звонил последний раз?

— Вчера.

— Он обещал перезвонить?

— Да. Но сказал, что не раньше, чем через месяц, потому что все это время будет находиться в таком месте, где телефоны отсутствуют. Сами понимаете, степь.

— Понимаю, — задумчиво проговорил Гордеев. Точнее, ему казалось, что он понимает. В голове же крутилось нечто совершенно другое, весьма далекое от казахстанской степи.

Целый месяц находиться в неведении? Что это означает? Это означает, что Омельченко подсоберет материал на Проскурца как на организатора убийства Волкова. В то время как этот Пашкевич может оказаться важным свидетелем. Но Пашкевич — всего лишь слабая надежда, которая все время ускользает. Почему ускользает? Ничего не ускользает.

Гордеев снова взялся за телефон, набрал номер Дениса Грязнова.

— Ты не знаешь, как связаться с Байконуром? — спросил он, когда услышал голос Дениса.

— Гордеев, ты?

— Я, кто же еще.

— Как там Проскурец?

— А ты почему знаешь?

— Земля слухами полнится.

— Невероятно!

— И ты забыл, что я сыщик. Информация — мой хлеб насущный. Ну как Проскурец-то?

— Пока никак. Только вчера с ним первый раз встретился.

— Я знаю.

— Черт, Денис, ну откуда? От Булгарина?

— Тепло.

— Тогда понятно. Так как с Байконуром связаться.

— С каким Байконуром? С кинотеатром?

— На хрена мне твой кинотеатр. Мне космодром нужен.

— Космодром?

— Ну да, космодром. Откуда космические корабли отправляются бороздить просторы Вселенной.

— А зачем тебе аж Байконур понадобился?

— Пока не скажу. Боюсь, сглазишь.

— Не бойся, я не глазливый.

— Рассказывай...

— А тебе какой сектор нужен?

— В смысле?

— Ну, сектор, сектор какой? Ты что, не в курсе?

— Не-а.

— Там же, на этом Байконуре, секторов и площадок, что у Ельцина теннисных кортов. Так какой?

— Ну, Денис, — взмолился Гордеев, — ну, прошу тебя, побереги мои нервы. У меня и так голова не на месте, а ты меня про какие-то сектора и площадки грузишь. Мне не сектор, мне человека найти надо.

— Человека?

— Ну да. У тебя есть телефон хоть какого-нибудь?

— А ты кого ищешь?

— Потом скажу.

— А ты сейчас скажи. Может, я его знаю.

— Не знаешь. Он не из твоей тусовки.

— Не суди по себе. Ты тоже не очень-то из моей.

— Ладно, хорош прикалываться. Ты телефончик ищешь?

Гордеев услышал в трубке серию щелчков по компьютерной клавиатуре, и вскоре голос Дениса победно возвестил:

— Есть!

— Говори.

— Только ты учти, это не совсем Байконур, а его контрольно-пропускной пункт. Там когда-то один мой дружок служил, с тех пор телефончик остался. Ты записываешь?

— Записываю.

Гордеев занес продиктованный номер в органайзер и спросил:

— А к кому мне там лучше всего обратиться?

— Для чего?

— Как «для чего»? Чтобы выйти на космодром.

— Ну ты, Юрка, даешь. Позвони и узнаешь. Слушай, ты хоть помнишь, какой послезавтра день?

— Помню. Суббота.

— Я не в этом смысле.

— А в каком?

— Подумай.

— Денис, пощади, ради бога.

— Юбилей «Глории».

— Послезавтра? Мама моя, точно!

— Давай, Юрок, подтягивайся к нам к десяти. Махнем на Истру шашлык жарить.

— А раков?

— Что «раков»?

— Раков будем ловить?

— Сам лови. Я их боюсь.

- Да ладно.
- Клянусь. Я их даже есть боюсь, думаю, что покусаят. Это у меня с детства.
- Хорошо, хоть людей ты не боишься.
- Людей я тоже боюсь, только виду не показываю.
- Не прибежняйся.
- Ладно, не буду. Только, смотри, не опаздывай, адвокатище.

Нажав на рычаг, Гордеев с ходу принялся связываться с Казахстаном, намереваясь достучаться до Байконура. В трубке что-то долго шелкало, завывало, шумело, и наконец чей-то бодрый голос ответил скороговоркой:

— Начальник поста капитан Пинчук у аппарата.

Гордеев на долю секунды впал в замешательство, не зная с чего начать.

— Алё, алё! — снова донеслось из трубки. — Я слушаю. Кто это? Говорите. Алё, алё! Балуется кто там, чи шо?

— Здравствуйте, — наконец сказал Гордеев.

— Здоров, если не шутишь. Кто это?

— Вообще-то моя фамилия Гордеев. Я бы хотел...

— Кто? — не дав договорить, громко переспросил Пинчук. — Еще раз скажи, я что-то не джуде расслышал. Небось опять провода сурок поел. Так кто это?

— Адвокат Гордеев.

— Берендеев?

— Гордеев. Из Москвы.

Тишина в трубке. Очевидно, капитан прикрыл ее ладонью, советуясь с напарником. А может быть, просто ожидая что-то услышать от Гордеева, который ничего лучшего не смог придумать, как сказать совершенно логичное:

— Аллю!

— Та я слушаю. Говори, не алёкай, как тот попугай.

— Я говорю, это Гордеев из Москвы.

— А я Пинчук с Конотопа, — неожиданно парировал капитан. — И шо теперь?

Гордеев понял, что имеет дело с одним из нормальных армейских насмешников, про которых в народе кочуют сотни анекдотов.

В голове мелькнул один из таких:

«В полк прибыла партия новобранцев. Старшина Пономаренко читает по списку:

— Губерман.

— Я!

— Меценмахер.

— Я!

— Рабинович.

— Я!

— Не, хлопцы, так не пойдет, — разочарованно говорит старшина. — Ни одной нормальной фамилии. У кого есть нормальные фамилии? Шоб как у меня, на «ко»?

— Есть!

— А ну? — обрадовался Пономаренко.

— Коган».

Вспомнив этот анекдот, Гордеев мгновенно расслабился, а голос обрел уверенность.

— Мне нужен Евгений Павлович Пашкевич.

— Кто?

— Повторяю: Евгений Павлович Пашкевич, специалист по космическому слежению.

— Слушай, адвокат... как там тебя?

— Гордеев.

— Гордеев, а ты, наверно, думал, шо я вот так вот по телефону тебе выложу, как на тарелке, местонахождение секретного специалиста?

— Да, я именно так и думал. А что, нельзя?

— Да не, можно. А на кой черт тебе Женька?

— Дело у меня к нему.

— А если у тебя к нему дело, то какого х... ты на КПП звонишь?

— А такого, что у меня другого номера нет. Только вот этот.

— А-а, так бы сразу и говорил. А то — адвокат, трешь-мнешь. Нема тут ни х... твоего Женьки.

— А где он?

— Вчера еще был. Вчера надо было звонить.

— Как был? — переспросил Гордеев, не совсем понимая, о чем идет речь. — У вас был?

— Я тебе шо, не русским языком сказал? Вчера был. Самогон пили. А сегодня он уже на миру.

— На каком миру?

— Ты куда звонишь? Алё, адвокат?

— Как куда? На Байконур.

— Так а шо ж тогда переспрашиваешь? На миру, говорю. Станция такая орбитальная, «Мир» называется. Или там у вас в Москве о такой не знают?

— Как это? — спросил Гордеев почти упавшим голосом.

— А вот так. Отправили спутник чинить.

— Прямо на орбитальную станцию?

— А ты думал, к теще в подпол?

— Когда?

— Шо «когда»?

— Когда его отправили?

— Вчера утром «Прогресс» запустили.

— Как «Прогресс»? Это же грузовой корабль.

— Вот чудак-человек! А шо, грузовой корабль для одних помидоров в тубиках? Ты в кузове бортовой машины когда-нибудь ездил?

— Ну а как же? На картошку и в армии.

— Так чего ж спрашиваешь? Это для вас, шо в телевизоры пелятся, он грузовой. А здесь «Прогресс» шо дельтаплан. Сел и поехал.

— Товарищ капитан, скажите...

— Ну все, адвокат, — резко оборвал Пинчук, — я и так с тобой тут здорово разболтался. Сейчас начальство придет и мне тут таких свистулей может наколупать, шо до новых веников не реанимируюсь. Бывай здоров.

В трубке раздались частые гудки, и Гордееву ничего не оставалось, как положить ее на рычаг. Воображение рисовало загадочного Пашкевича на борту космической станции «Мир», «на миру». Единственная ниточка, за которую можно зацепиться для проведения успешной защиты, ускользала, исчезая в недостижимых эмпиреях околоземной орбиты.

А что, если выйти на Пашкевича через Центр управления полетами? — пронеслось в голове.

Гордеев полистал органайзер, нашел искомую графу и снова взялся за телефон.

16

Лена Волкова, сидя в кабинете отца за портативным компьютером, заканчивала отчет по последним лабораторным испытаниям собственного проекта под сочным названием «Механизм самосборки белка в условиях повышенного радиоактивного фона», который она начала еще в Чикаго и взяла для доработки с собой в Москву. Экран монитора пестрел множеством диаграмм, графиков, сонограмм и даже интроскопическими изображениями внутреннего строения организма рептилии, сделанными с помощью спектрометра ядерного магнитного резонанса.

Звонок телефона заставил ее вздрогнуть и из мира нуклидов и протоплазмы вернуться к реальности. Она сняла трубку.

— Да. Кто? Федотов, какого черта! — обрадованно произнесла Лена. — Ты где? Ну так заходи, если в двух шагах.

Минут через десять, открыв входную дверь, она уже здоровалась с коренастым Федотовым. На лицах обоих сияли улыбки. Встреча старых друзей.

— Черт меня побери, но я рада тебя видеть, Федотов, — сказала Лена, пока он раскупоривал бутылку с красным вином.

— Я тоже рад. Куда налить?

— Куда? Слушай, а давай, как раньше.

— А как раньше?

— Ты все забыл. Из граненых стаканов!

— Давай, — улыбнулся Михаил. — А у тебя есть граненые стаканы?

— Есть! — Лена поставила на стол пару. — Папа их берег для подобных случаев. Они ему тоже напоминали о старых добрых временах.

Федотов задумался.

— За Владимира Сергеевича, — произнес он, поднимая полный стакан. — Я думаю, он бы сейчас радовался вместе с нами. Земля ему пухом.

Выпив, они усталились друг на друга, и Лена сказала:

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Как жил, что делал.

— А ты разве не в курсе?

— Почему же, в курсе. Но только ты сам расскажи. Например, почему до сих пор не женился на Светке Мазур?

— Ты с ума сошла! Скажешь тоже — Светка Мазур. Она же дура. Дура и стерва. Она меня за два дня семейной жизни до самых костей бы обгрызла.

— Интересно, что ты говоришь другим, когда речь заходит обо мне? То же самое? Да? Признавайся!

— Не выдумывай.

— Я не выдумываю. Я просто интересуюсь.

— Слушай, Лена, давай оставим эту тему от греха подальше, чтобы снова не разругаться на века.

Лена опустила глаза, принявшись разглядывать дно опустошенного стакана.

— Хорошо, — переменяя тон, сказала она. — Давай эту тему оставим. Как у вас в «Интерсвязи»?

— Ты имеешь в виду, что говорят по поводу убийства?

— Ну, хотя бы это.

— Всякое говорят. Одни считают, что Проскурец виновен, другие — нет.

— А ты как считаешь?

— Я? — удивился Михаил. — Ты разве во мне сомневаешься?

— Нет, не сомневаюсь. Но все-таки...

— Я думаю, что у меня язык не отвалится, если еще раз скажу, что считаю Виталия Федоровича чрезвычайно порядочным, честным и совершенно чистым человеком. Этого достаточно?

— Я это и без тебя знаю. Проскурец никогда бы не пошел на такое. И не потому, что он боится неминуемого возмездия. Просто у него не та закалка. Точнее, закалка у него как раз такая, которая не позволяет ему даже думать о подобном.

— Кстати, как он дома себя ведет? Что говорит жене? Ах да, я совсем забыл, они уже два года, как не живут вместе.

— Да, а все дети в кембриджах и оксфордах.

— Да, им не до него.

— Впрочем, если Проскурца посадят, они останутся без гроша, и тогда вся их загранучеба накроется медным тазом. Слушай, Миша, его действительно могут посадить?

— Легко. С такими уликами — раз плюнуть. Сейчас не очень-то церемонятся с нуворишами. Когда некоторых судей в очередной раз прижали за взятки, у них появился большой зуб на всех денежных мешков, которых они теперь не способны развести на чемодан банкнот.

— Неужели раньше и суд покупался?

— Еще как покупался, а главное, продавался.

— Подумать страшно.

— Раньше, чтобы убить кого-то, для начала достаточно было быть богатым, чтобы выйти сухим из воды. Многие новые русские именно таким грязным образом оберегали свои вожденные капиталы от внешних посягательств. И представь, что многим ничего за это не было. Ничегошеньки.

— Как же это? — растерянно спросила Лена.

— Суд пошумел, пошумел, адвокат привел неоспоримые доказательства их полной невиновности, и все — они на свободе. Никаких тебе громких разоблачений, никаких длительных тюремных заключений. Пресса тоже молчит, потому что туда тоже сделали массивное финансовое вливание. Тишина и покой. Таким образом на свободе многие, хотя их руки в крови по самые локти, если не выше. Некоторые из них купили себе места в Госдуме и получили депутатскую неприкосновенность. Чего тут греха таить — из-за бабок убивали и будут убивать всегда, пока Земля не слетит с катушек.

— Миша, тебе говорит о чем-нибудь фамилия Гордеев?

— Гордеев? — Федотов задумался. — Кто это?

— Адвокат, — ответила Лена.

— Адвокат? Так, дай подумать. Адвокат Гордеев.

— Он сейчас защищает Виталия Федоровича.

— Вот оно как. Нет, про Гордеева я первый раз слышу. Где его контора?

— Сейчас вспомню, — сказала Лена. — Да я тебе лучше его визитку покажу.

Лена принесла карточку и вручила Михаилу, который принялся рассматривать ее со всех сторон.

— Таганская, 34. Я знаю эту контору, — заявил он. — У меня там есть очень хорошие знакомые, толковые парни. Одного зовут Константином Булгариным. А почему именно Гордеев, а не Булгарин?

— А что Булгарин?

— Я тебе скажу, что Булгарин вытаскивал своих клиентов и не из таких безнадежных трясин, в которую сейчас угодил Проскурец.

— Гордеев потому, что Гордеев. Это моя инициатива. Можно сказать — у меня сработал нюх.

— Ну, если нюх, тогда конечно, — сказал Миша, заметно иронизируя. — Они уже встречались?

— Да, вчера днем.

— О чем говорили?

— Я не слышала. Но у них сложились довольно теплые отношения.

— Прямо теплые?

— Говорю тебе это с полной уверенностью.

— Но умение налаживать теплые отношения с клиентом — это не заслуга адвоката. Его задача — защита клиента.

— Не в этом смысле теплые. Мне кажется, Гордеев проникся пониманием. — Лена осеклась. — Черт, не так надо сказать. Понимаешь, это не просто какой-то профессиональный интерес. Это какой-то по-настоящему человеческий интерес. Нет, все равно казенно звучит. Но это именно так, человеческий интерес. Тебе понятно? — Лена произносила последние слова, едва сдерживая слезы, причину которых она не смогла бы объяснить толком.

— Мне все понятно, Лена, ты можешь успокоиться.

— Он сейчас ищет Пашкевича.

— Кто ищет?

— Гордеев. Виталий Федорович ему про него рассказал. Он говорит, что убийцу нужно искать не в «Интерсвязи», а там, где папа в последнее время вел свои дела.

— Это Проскурец так сказал?

— Да.

— И Гордеев его послушал?

— Да. А что?

— Нет, ничего, — ответил Михаил. — Просто интересно. Интересно, откуда Проскурец знает про дела Волкова. Они же, после того как Волков ушел, почти не встречались.

— Не знаю. А разве это важно? Знает, не знает, какая разница?

— Никакой разницы, ты права. Просто интересно, и не более того. Но я думаю, что Виталий Федорович погорячился, рассказав про Пашкевича. Во всяком случае, Пашкевич Гордееву ничего существенного не даст. Да Пашкевича соседи знают только как работника торговли. Он же до сих пор — сплошной почтовый ящик. Я имею в виду его законспирированный статус. Даже жена толком не в курсе, чем он там занимается.

— А почему это тебя так волнует? Я и не знала, что ты его тоже знаешь.

— Я его не знаю.

— Тогда откуда у тебя такие подробные о нем сведения?

Михаил вылил в стаканы остатки вина.

— Хочешь тост? — спросил он.

— Валяй, — ответила Лена.

— За нас!

— Что ж, весьма ёмко, — сыронизировала Лена.

Возвратив на стол уже пустые стаканы, они снова посмотрели друг на друга, но только это уже был не тот взгляд, что при встрече, а какой-то вялый, почти безжизненный. Их разделяла не то стена времени, не то пропасть мировоззрений. Словом, им больше не о чем было говорить.

17

Около одиннадцати утра команда людей в штатском — следователи Мосгорпрокуратуры и оперы МУРа во главе с Омельченко — оккупировала «Интерсвязь», хладнокровно роясь в сейфах, засев за офисные компьютеры. Обычная процедура, именуемая «изъятие и выемка документации». Согласно плану, выемка даст бумаги, которые лишний раз подтверждают заинтересованность Проскурца в физическом устранении Владимира Волкова. Дело верное. Даже если эта заинтересованность будет иметь весьма условный, косвенный характер, ее будет вполне достаточно, чтобы взять Проскурца под стражу. Улика «А», то есть кейс из крокодиловой кожи, превращает любую косвенную бумагу в прямое доказательство. Представленные следствию, а затем и суду, они сделают свое дело на пять с плюсом. Таким образом, миссия стратега Омельченко будет исполнена с блеском.

Как никто другой, он был убежден, что там, где имеют место большие деньги, обязательно должна быть связь с организованной преступностью.

— Да, Виталий Федорович, да, — говорил Омельченко, растянувшись в кресле, пока опергруппа шерстила офис, — вам следует все рассказать в деталях следователю.

— Но я же ничего не знаю об этих деталях, — отвечал Проскурец, однако в его голосе не было уверенности, а внутри клокотало: «Неужели этот вельзевул от прокуратуры действительно упечет меня за колючую проволоку, даже не моргнув?»

— Хотите начистоту? — спросил Омельченко, лукаво сощурившись.

— Давайте. Только мне не очень понятно, почему вы спрашиваете. Это же ваш день. Сегодня вы командир эскадрильи.

— Да, действительно. — Омельченко с удовольствием хрустнул пальцами. — Но такт, вежливость — это также наше оружие. Так вот, если начистоту, то срок вам грозит сравнительно небольшой. Десять лет.

— Как вы сказали?

— Десять лет. А что?

— Небольшой? — Глаза Проскурца вывалились из орбит. — По-вашему, это небольшой?

— Для убийцы — просто щадящий, почти что равный помилованию.

— Но я не убийца!

Омельченко усмехнулся:

— А кто убийца?

— Не знаю.

— Тогда смиритесь с этой ролью. Другого кандидата у нас тоже нет. Один вы. В старину говорили: используй то, что есть.

Виталий Федорович заглянул в глаза следователя. В них была пустота. Будущее казалось Проскурцу невыносимым, полным бесконечного мрака, населенного кошмарными химерами.

18

Михаила Федотова в этот день задерживали дела, поэтому начало проведения обыска он пропустил. Но, паркуясь возле многоэтажной «стекляшки», весь девятый этаж которой занимала компания «Интерсвязь», его внимательный глаз выделил несколько машин, номерные знаки которых явно указывали на принадлежность к следственным органам.

Осмотревшись, выходить из своей машины Михаил не торопился. Он вынул из кармана мобильник и набрал номер.

— Это Федотов, — сказал он в трубку. — У нас тут гости. Да, как и ожидалось. Омельченко верен себе. Жду дальнейших инструкций.

Некоторое время Михаил молчал, вслушиваясь в голос из телефона, и наконец сказал:

— Я понял. А что делать с Гордеевым? Как «что такое»? Он уже вышел на Пашкевича. Наше счастье, что он в зоне недосягаемости. Пашкевич, кто же еще. Нейтрализовать Гордеева? Можно. Надо подумать. Хорошо, до связи.

Михаил спрятал телефон обратно в карман и вышел из машины.

Переступив порог офиса и увидев незнакомых людей, снующих туда-сюда, навесил на себя вопросительный взгляд. И вскоре встретился глазами с Омельченко, который, выйдя из кабинета генерального директора, обратился к одному из своих коллег с вопросом, который, несмотря на гул, Михаил все же расслышал.

— Ну что там у нас? Есть контакт? — спросил Омельченко у совсем еще юного на вид парня в сером костюмчике.

— Кое-что, — ответил парень, поднимая голову, чтобы заглянуть в глаза своему шефу.

— Кое-что — это почти ничего. Мне нужна конкретика. Показывай, что нарыли. Давай, давай, не тяни!

Парень показал на стол, заваленный документацией. Омельченко направил туда широкие шаги и длинными пальцами раскрыл одну из папок.

— Марина, что здесь происходит? — спросил Михаил Федотов у одной из девушек, которую оперативники согнали с ее рабочего места и теперь она стояла у окна, с высоты девятого этажа безучастно взирая на внешний мир.

— Завал, Миша. Полный завал. Я думаю, нас закрывают, — ответила Марина, не отрываясь от окна.

— Не мели чепуху! Это просто рядовая процедура. Они скоро уйдут, и мы снова заживем по-прежнему, — возвестил Михаил.

— Правда? — Марина доверчиво посмотрела на него.

— Ну конечно! — Его глаза заискрились. — Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

— Никогда.

— Ну вот видишь. Все нормально. Проскурец у себя?

— У себя.

— Он один? К нему можно, не знаешь?

— А ты спроси у начальника.

— А кто начальник?

— Вон тот, видишь?

— У стола?

Марина кивнула:

— Ага, тот. Самый длинный.

Федотов несколько секунд смотрел на занятого бумагами Омельченко, затем сказал:

— Ладно. Подожду, пока они слинянут. Я думаю, боссу сейчас не до меня.

19

День для пикника выдался как по заказу: солнце, в небе ни тучки, жара минимальная.

Денис, как водится, колдовал над мангалом, а Юрий, стоя по колени в воде, забрасывал спиннинг.

— Эй, Гордеев, — позвала одна из барышень, купавшихся неподалеку, — как там наша рыба? Клюет?

— Ага. Носом.

— Каким? — спросила другая, и барышни захихикали.

Гордеев, держась как можно невозмутимей, в очередной раз замахнулся удилищем.

— Рыбы нет. Русалки всю распугали.

— Ну так переключайся на русалок. Или, может, у тебя с наживкой не все в порядке?

— Да нет, с наживкой-то как раз все в полном порядке. С русалками не повезло.

— Фу, какой грубый, — запротестовала одна из девиц.

— А вот мы его сейчас сами поймаем! — нашлась первая.

И обе девушки, выйдя из воды на берег, стали стремительно приближаться к рыболову.

Предчувствуя, что через мгновение он прямо в футболке и джинсах окажется в реке, Гордеев, хохоча, дал деру напрямик к мангалу, сматывая на бегу леску.

А Денис тем временем уже снимал с углей ожерелья золотистой баранины, от которой исходил одуряющий запах, возбуждая в присутствующих и без того нагулянный на свежем воздухе первобытный аппетит.

Получив по шампуру и рассевшись кругом, присутствующие предались долгожданной трапезе, отпуская комплимент за комплиментом в адрес шеф-повара и виновника торжества одновременно.

— Ну как, дозвонился до Байконура? — спросил Денис Гордеева, когда гости, наевшись шашлыка, всей компанией отправились купаться.

— Почти.

— Почему почти?

— Потому что это действительно только ка-пэ-пэ.

— Я же тебе еще тогда сказал. И что, тебе там не дали никакого другого номера?

— Да нет, не в этом дело. Там был один капитан, он сказал, что Пашкевич...

— Кто?

— Пашкевич, ну тот, который мне нужен.

— А-а. И что капитан?

— Капитан сказал, что его отправили в командировку на станцию «Мир» чинить какой-то спутник. Ты можешь себе такое представить?

— Могу. А что тут такого особенного?

— Нет, ну это же орбитальная станция.

— Не понимаю твоего возмущения.

— Да не возмущение, скорее, удивление.

— Ты по Неаполям шляешься? Шляешься.

— Ну и что с того? При чем здесь Неаполь?

— А человек даже в космос слетать не может, так, по-твоему? Тем более не балду пинать, как ты, а по делу.

— Ну дела...

— Проснись, чувак! Двадцать первый век на носу.

— Да я не про это.

— А про что?

— Я про то, что мне этот Пашкевич нужен вот так! А он теперь хрен знает где. Я попытался связаться с Центром управления полетами...

— С ЦУПом, что ли?

— Ну да. Я там одному мужику из отдела навигации помогал госдачу приватизировать...

— Ну и как, связался?

— Связаться-то я связался, да только мне там, в ЦУПе в этом, вежливо дали понять, что никакого Пашкевича на орбите сейчас нет и быть не может, что такой фамилии даже нет в списке отряда космонавтов, что у меня неверная информация, и так далее, и так далее, пятое десятое. Короче, я как адвокат в данный момент совершенно безоружен. Да еще Проскурца арестовали. Труба, короче.

— Когда?

— Да вчера. Этот Омельченко с него теперь с живого не слезет, пока не зарует где-нибудь под Архангельском. В общем, кранты сплошные.

— Постой, как ты сказал его фамилия?

— Омельченко.

— Да нет, не следователя, этого я и сам как облупленного знаю. Того, что в космос улетел?

— Пашкевич. Только я думаю, ни в какой космос он не улетел. Капитан просто пошутил.

— Да постой ты. Куда ты летишь? Значит, Пашкевич?

— Ну.

— А зовут как?

— Женя. То есть Евгений Павлович.

— Ага, — задумчиво произнес Денис.

— Что «ага»?

Денис повернулся к Гордееву и громко провозгласил:

— Отдыхай, говорю! Иди искупайся, с девчонками порезвись. А то ходишь, как на похоронах.

— Подожди... Слушай, Денис, а не взяться ли тебе за это дело как сыщику? Я скажу Лене, чтобы она официально обратилась в «Глорию». Очень прошу тебя помочь мне, век буду благодарен.

— Ладно, предоставь это дело мне. Завтра если не твоего Пашкевича, то кого-нибудь не хуже найдем. Я все-таки сыщик, тем более частный. Иди, иди, гуляй, мне еще вторую очередь шашлыка запускать. А Волкова пусть подруливает в «Глорию» часикам так к двенадцати.

И Гордеев, как замороженный, медленно стянул с себя футболку с джинсами, оставшись в одних плавках. Являя великолепный средиземноморский загар и ладно сработанный торс, побрел к реке, откуда до слуха Дениса вскоре донесся обильный женский восторг.

20

Микроавтобус Дениса с уставшей, но довольной компанией мчит по московским улицам. Гордеев рядом с водителем. Он достает из кармана свой персональный мобильник, нажимает подряд несколько кнопок, прикладывает к уху.

— Лена? — говорит он. — Если вы не против, я хотел бы к вам заскочить. Прямо сейчас. Я почти рядом. Хочу познакомить вас с сыщиком, моим другом. Очень хорошо. Угу, до встречи.

И обращаясь к Денису:

— Тебе не в лом забросить меня в Крылатское?

— Какие проблемы, Юрок! Я сегодня всех самым аккуратным образом доставляю к самому порогу. Диктуй координаты.

— Осенний бульвар, двенадцать.

— Дела сердечные? — подмигнул Денис.

— Ну, почти. Да и познакомить вас надо с Леной, с твоим работодателем.

21

Лена оказалась девушкой понятливой, и Юрию не надо было долго объяснять ей, зачем в их деле должен был появиться частный сыщик. Они с Денисом очертили общий круг проблем, после чего Лена уже официально попросила Грязнова установить наблюдение за Федотовым и из рук в руки передала сумму, названную Денисом. И Грязнов тут же откланялся.

Гордеев же, едва ушел Денис, отправился в ванную, чтобы смыть с себя запахи пикника.

Он тихо радовался, что Лена отнеслась к его внезапному визиту как к событию само собой разумеющемуся, которое непременно должно было случиться и вот случилось.

Не удивило Гордеева и то, что, как только он вышел из ванной комнаты, закутанный в мягкий халат, они бросились друг к другу, будто две разнозаряженные частицы, которые силой долго удерживали от сближения.

В восемь утра из-под вороха одежды завопил сотовый. Гордеев сполз с кровати и, с трудом распечатав глаза, двинулся на поиски.

— Да, — сказал он в трубку, подавляя зевоту.

— Ты где? — спросил телефон голосом Дениса. — Еще в Крылатском?

— Угу.

— Спишь?

— Угу.

— Тогда марш под душ и через тридцать минут жди меня у подъезда.

— А что такое?

— Ничего такого. Поедем искать твоего Пашкевича.

— Надыбал что-то?

— Не то слово. Давай, давай, не тяни. Мне самому не терпится.

Сварганив на скорую руку чашку кофе, он на всякий случай заглянул в спальню. Безмятежность, с какой Лена отдавалась утреннему сну, его приятно удивила. Расслабленное лицо было озарено полуулыбкой полного счастья.

Денис не солгал: через тридцать минут с небольшим его «девятка» действительно затормозила у подъезда. Гордеев заметил, что воронка от взрыва исчезла. На ее месте чернела свежая заплатка из битума.

— Куда лежит наш путь? — забравшись в машину, спросил он, демонстрируя приподнятость духа.

— В Марковку, — ответил Грязнов, вырывая к большой дороге.

— Что там?

— Чувачок один. Компьютерный гений. Недалеко от поселка проживает.

— А зачем нам компьютерный гений?

Денис неодобрительно осмотрел Гордеева сверху вниз.

— Ты еще спишь или как? — почти раздраженно спросил он.

— Да нет, просто спрашиваю. По-моему, совершенно нормальный вопрос: зачем нам компьютерный гений?

— Его зовут Альберт Чувашов. Для нас с тобой — просто Алик.

— Очень хорошо. А что дальше?

— Информация для размышления: Алик — одноклассник Евгения Пашкевича по математической спецшколе. Это была неразлучная тройца.

— Тройца? А кто третий?

— Ни за что не отгадаешь.

— Скорее всего. Так кто же?

— Владимир Левин.

— Кто?!

— Да, да, ты правильно расслышал. Не Ленин, а Ле-вин, — повторил по слогам Денис.

— Тот самый?

— Ага, именно тот самый. Интересно, правда?

— Не то слово.

Гордеев хорошо помнил, кто такой Владимир Левин. Международная знаменитость, не меньшая, чем свой почти полный тезка, который вождь мирового пролетариата.

В июле — августе 1994 года, находясь в Петербурге, в маленьком офисе АОЗТ «Сатурн», он вместе с напарником — одним из совладельцев «Сатурна» — взломал банковскую компьютерную сеть крупнейшего и наиболее защищенного американского «Ситибанка», перевел из него общей сложностью 2,78 миллиона долларов в калифорнийское отделение «Банк оф Америка» на счета своих американских дружбанов, а также на счета некоторых компаний в Израиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.